

Россия в мемуарах

Н.А. Варенцов
СЛЫШАННОЕ.
ВИДЕННОЕ.
ПЕРЕДУМАННОЕ.
ПЕРЕЖИТОЕ

Новое
Литературное
Обозрение

Россия в мемуарах

Николай Варенцов

**Слышанное. Виденное.
Передуманное. Пережитое**

«НЛО»

2014

Варенцов Н. А.

Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое /
Н. А. Варенцов — «НЛО», 2014 — (Россия в мемуарах)

Воспоминания видного московского предпринимателя и общественного деятеля Н.А. Варенцова (1862–1947) охватывают период с середины XIX в. по 1905 г. В них описана история становления и развития крупнейших московских фирм, банков, торговых домов, даны яркие характеристики их владельцев; книга содержит бытовые зарисовки купеческой жизни Москвы и изложение драматических и анекдотических событий из жизни известных московских предпринимателей (Алексеевых, Бахрушиных, Коноваловых, Морозовых, Рябушинских, Хлудовых и др.).

© Варенцов Н. А., 2014

© НЛО, 2014

Содержание

Московский промышленник Н.А. Варенцов и его мемуары	6
Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое	17
Часть I	18
Глава 1	19
Глава 2	23
Глава 3	26
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	37
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	50
Глава 10	52
Глава 11	55
Глава 12	58
Глава 13	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Варенцов Николай Александрович

Слышанное. Виденное.

Передуманное. Пережитое

Вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарии В.А. Любартовича и Е.М. Юхименко

Серия выходит под редакцией А.И. Рейтблата

© В.А. Любартович, Е.М. Юхименко

© Новое литературное обозрение

Московский промышленник Н.А. Варенцов и его мемуары

От оживленной и шумной, известной своими домами-дворцами и их именитыми владельцами Старой Басманной улицы в Москве, недалеко от Разгуляя, отходит в сторону Немецкой слободы патриархально-тихий Токмаков переулок, который, чуть изгибаясь, открывает взору стройную вертикаль колокольни казаковской церкви Вознесения на Гороховом поле. В XIX в. в этом районе селились купцы средней руки: Струковы, Юдины, Ступины, Каширины. Среди типичной одно-двухэтажной жилой застройки выделялся лишь один ампиный особняк начала XIX в. (к счастью, сохранившийся до наших дней) на углу Токмакова и Денисовского переулков. Сквозь нежную зелень теперь уже двухсотлетних лиственниц просматривается одноэтажное каменное здание с крестообразным мезонином и главным фасадом, украшенным стройным четырехколонным портиком. Предание называет среди владельцев этой усадьбы и писателя Д.И. Фонвизина, и декабриста М.А. Фонвизина, однако документально установлено, что участок с домом (после пожара 1812 г. частично восстановленным и достроенным) и многочисленными хозяйственными постройками последовательно принадлежал поэту Н.Е. Струйскому, дворянам Белавиным и купцам Четвериковым. Последним владельцем усадьбы был потомственный почетный гражданин, купец и промышленник Николай Александрович Варенцов (1862–1947).

В начале XX в. он был широко известен в деловых кругах Москвы и России как владелец нажитого собственным трудом 11-миллионного состояния, директор двух солидных фирм, торгующих хлопком, шерстью и каракулем по всей стране; как председатель правления крупной текстильной мануфактуры и общественный деятель. После 1917 г. его имя было забыто. Революция, разрушив сложившийся порядок вещей, особенно жестоко обошлась с дворянством и купечеством. Сейчас сложилась парадоксальная ситуация: мы гораздо лучше осведомлены об эмигрантах, чем о тех, кто не смог или не захотел уехать. Их следы теряются уже в первые послереволюционные годы, чему способствовали гражданская война, голод, болезни, аресты, ссылки и казни.

Тяжелые, трагические обстоятельства жизни в Советской России не сломили Варенцова. Живя в полной безвестности и нищете, он в 1930-е гг. нашел в себе душевные силы и даже мужество (если учесть разительное несоответствие сути его прежней жизни новым, революционным идеалам) записать свои воспоминания. До 1980 г. восемь общих тетрадей хранились в семье, а затем большая их часть была передана в Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 458). Воспоминания Варенцова, входящие в число весьма немногочисленных купеческих мемуаров, представляют несомненный историко-общественный интерес благодаря широте охвата событий, достоверности информации и полноте характеристик, их отличают очевидные литературные достоинства.

Николай Александрович Варенцов происходил из старинной переславль-залесской семьи, ведущей свое начало по крайней мере с XVII в. По исповедным росписям, опубликованным в 1891 г. Н.А. Найденовым на средства Н.А. Варенцова¹, основателем обширной купеческой династии был посадский человек г. Переславля-Залесского Галицкой четверти (с 1778 г. – Владимирской губернии) Василий, имевший трех сыновей: Алексея (род. 1682), Ивана (род. 1684) и Михаила. У единственного сына среднего брата, Михаила Ивановича,

¹ См.: Переславль-Залесский: Материалы для истории Данилова монастыря и населения города XVIII столетия. М., 1891.

было шесть человек детей, однако почти все они умерли в детстве, и продолжил род только старший сын Никита. Его сыновья – Петр, Анисим и Марк – числились уже купцами. Марк Никитич (1770–1845) – прадед мемуариста – торговал москательным товаром и в конце XVIII в. перебрался в Москву, навсегда здесь обосновавшись.

На портрете, написанном неизвестным художником в 1827 г. и хранящемся в Музее В.А. Тропинина в Москве, купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин Марк Варенцов изображен с золотой медалью «За полезное» на аннинской ленте, дававшейся за труды на ниве благотворительности и общественной деятельности. С другого портрета смотрит на нас его жена – Марфа Сергеевна (1771–1836). Торговое дело отца наследовали сыновья Михаил Маркович (1795–1853) и Николай Маркович (1800–1878)².

Н.М. Варенцов, дед автора воспоминаний, торговал чаем и мануфактурой. Он пользовался репутацией очень честного человека. В 1833 г. он был гласным городского суда, в 1842–1846 гг. – членом комиссии строений, в 1850-х гг. – членом Московской городской шестигласной думы. Однако коммерсантом Николай Маркович был не очень удачливым; на какой-то операции с доставкой большой партии чая из Китая он потерял почти все состояние, унаследованное от отца, и доживал в среднем достатке в своем доме на Земляном валу, перейдя в 3-ю гильдию.

После 1860 г. Николай Маркович прекратил торговую деятельность, передав дело сыну Александру Николаевичу (1824–1863), однако и тому не удалось поправить состояние, его дети получили весьма скромное наследство. А.Н. Варенцов женился в 1852 г. на купеческой дочери Александре Федоровне Рябиновой (1837–1908). В их семье придерживались строгих моральных правил, которые родители стремились привить и детям. Перед смертью, обращаясь к четырем дочерям и сыну, Александр Николаевич завещал им «быть всю жизнь честными людьми». По семейным рассказам, этот милый, замкнутый и мягкий человек был хорошо образован, знал иностранные языки. Французские книги его библиотеки с пожелтевшими пометками на полях приходилось держать в руках даже внукам Александра Николаевича.

Оставшаяся молодой вдовой Александра Федоровна решила посвятить свою жизнь воспитанию детей. Семья переехала с Земляного вала в Замоскворечье, в Кадашевский переулок; здесь и вырос Николай Александрович. В 1870 г. он поступил в Московское коммерческое училище на Остоженке, куда определяли своих детей многие купеческие семьи. Однако здесь младший Варенцов учился без особого интереса и полного курса не кончил. Задетый насмешками приятелей, он дал себе слово поступить в престижное Императорское Техническое училище, куда успешно сдал экзамены в 1878 г. Еще во время учебы он влюбился в Марию Николаевну Найденову, дочь крупного общественного деятеля, основателя Московского Торгового банка, председателя Биржевого комитета и почетного члена совета Технического училища Николая Александровича Найденова. Вскоре по окончании Н. А. Варенцовым училища (в 1885 г.) они поженились.

Как позже напишет об отце Андрей Николаевич Варенцов, оставивший краткие воспоминания о своей семье под названием «О пережитом»³, Николай Александрович был «человек незаурядный, очень деятельный и работающий. Он сам выбился в большие люди».

Область для своей коммерческой деятельности Н.А. Варенцов выбрал, по-видимому, по подсказке тестя. Бурное развитие текстильной промышленности в России делало все

² В 1820-е гг., по-видимому, одновременно с родительскими, были выполнены парные портреты Михаила и Николая Марковичей с женами. Портреты старшей ветви варенцовской семьи находятся ныне в Музее истории г. Москвы, а портреты Николая Марковича и его жены Елизаветы Максимовны до сих пор бережно сохраняются в семье наследников мемуариста.

³ Искренне благодарим вдову А.Н. Варенцова Лидию Петровну Варенцову, предоставившую возможность ознакомиться с хранящимся у нее текстом воспоминаний.

более острой проблему обеспечения предприятий сырьем, предпочтительно отечественным, что было связано с хозяйственно-экономическим освоением Средней Азии. Целый ряд фирм занимался подобной посреднической деятельностью.

В 1873 г. по инициативе Н.А. Найденова для покупки и доставки хлопка из Средней Азии на фабрики Московского промышленного региона было учреждено Московское Торгово-промышленное товарищество (МТПТ). В Оренбурге действовал торговый дом «Н.П. Кудрин и К^о», позже он был расширен: указом Сената от 5 августа 1882 г. для осуществления двухсторонней торговли в Средней Азии и развития сырьевой базы отечественного хлопководства учреждалось «Среднеазиатское торгово-промышленное товарищество Н.П. Кудрин и К^о» (САТПТ), основными его пайщиками были крупнейшие предприниматели – Т.С. Морозов, Н.Н. Коншин, А.Л. Лосев, М.А. Хлудов, П.П. Малютин. Товарищество начало свою работу в 1885 г., правление составили директор-распорядитель Н.П. Кудрин и директора А.Л. Лосев, Н.П. Рогожин и А.А. Найденов. В апреле 1886 г. кандидатом в члены правления был избран Н.А. Варенцов, что стало началом его деловой карьеры. Здесь он приобрел практические знания, связи с торгово-промышленным миром и большой опыт в ведении дел и общении с людьми; чрезвычайно много дала ему совместная работа с Кудриным, человеком самобытным и целеустремленным.

Вскоре Варенцов был избран на пост директора САТПТ. Однако внезапная смерть Кудрина в 1888 г. крайне тяжело сказалась на делах Товарищества. Сложное финансовое положение, необходимость внесения изменений в устав САТПТ, частая сменяемость директоров привели к тому, что конкуренты сильно потеснили Товарищество, работа в нем перестала удовлетворять и Варенцова, поэтому он с радостью согласился на предложение Н.А. Найденова перейти на работу в возглавляемое им МТПТ.

В мае 1889 г. Варенцов был избран директором МТПТ по комиссионной торговле хлопком, шерстью и каракулем. В том же 1889 г. на Нижегородской ярмарке он сумел вести на равных конкурентную борьбу с авторитетными московскими оптовиками хлопка С.Ю. Ерзиным и О.М. Вогау и комиссионером-монополистом по шерсти – торговым домом «Шагазиев, Зыбин и Шимко». У Варенцова сложились тесные партнерские отношения со среднеазиатскими баями и купцами, искавшими надежных посредников для поставок хлопка по новому пути (железной дороге Чарджоу – Красноводск и далее пароходами по Каспию и Волге). Ему, как солидному поставщику сырья, оказал доверие сам владелец Никольской мануфактуры Т.С. Морозов, до того времени не имевший дел с МТПТ. Успеху коммерческой деятельности Варенцова способствовали его длительные деловые поездки по Средней Азии, личное знакомство с эмиром Бухары, туркестанским генерал-губернатором, высшими чиновниками администрации и местным купечеством.

В конце 1880-х гг. МТПТ взяло под свой контроль ряд промышленных предприятий, которым грозило полное разорение. На грани банкротства было и учрежденное в 1882 г. Товарищество мануфактур Н. Разоренова и М. Кормилицына в Кинешме. Новый директорат, состоящий из предпринимателей «найденковского клана» (И.Г. Простяков, И.И. Казаков и др.), в который с 1889 г. входил и Н.А. Варенцов, в короткий срок выправил положение дел на фабриках кинешемского предприятия, и в первый же год нового правления фирма получила доход в 100 тысяч рублей.

В 1905 г. Варенцов оставил работу в МТПТ и стал председателем правления Товарищества мануфактур Н. Разоренова и М. Кормилицына. (В 1907 г. оно было преобразовано в Товарищество Большой Кинешемской мануфактуры с основным капиталом в 2 млн 400 тысяч рублей.) На этом посту он оставался вплоть до 1918 г. Во время его правления Большая Кинешемская мануфактура превратилась в процветающее предприятие, на котором работало до 4 тысяч человек. В сферу его предпринимательских интересов к 1913 г. попадает и промышленность строительных материалов: он становится, вместе с дочерью Ниной Нико-

лаевой Лист (урожд. Варенцовой) и своим шурином А.Н. Найденовым соучредителем Товарищества по обработке камня «Н.Н. Лист и К°», торгующего под фирмой «Георгий Лист».

Предпринимательской деятельности автора мемуаров был свойствен широкий размах. Он искал не только собственную выгоду, умел видеть проблемы развития отечественной промышленности в целом. Во многом благодаря его усилиям на российских текстильных предприятиях стали широко использовать хлопок из Туркестанского края взамен привозного – американского, египетского и индийского. Варенцов принимал участие в ряде общественных начинаний: был гласным Московской городской думы, попечителем частной женской гимназии в Москве, активным членом Дамского попечительства о тюрьмах, в состав которого входили видные представители городской администрации, духовенства и купечества. Н.А. Варенцов имел и награды: орден Св. Станислава 3-й степени и золотую Бухарскую звезду 1-й степени.

В деловых кругах Варенцов имел репутацию честного, справедливого и отзывчивого человека. Интересный случай, относящийся к голодным 20-м годам, описывает в своих воспоминаниях сын Николая Александровича, Андрей: приближалась Пасха, а «дома ничего не было, и достать было трудно. И вдруг вечером в Страстную пятницу приходит к отцу пожилой человек, представляется и говорит: «Николай Александрович, когда-то Вы меня выручили деньгами и я Вам их не отдал. А вот теперь я получил большую посылку от АРА (кажется, так называлось общество, доставлявшее сюда продовольственные посылки). Думаю, что Вы нуждаетесь, и вот решил хотя бы часть долга отдать Вам продуктами». Там, помню, оказались мука, сахар, масло и еще что-то много».

С начала своей деловой карьеры Варенцов становится московским домовладельцем, а затем и помещиком. Ему принадлежали комплекс доходных домов под № 4 на Старой Басманной улице (снесены в 1930-х гг.) и имение Бутово под Москвой. В 1889 г. он приобрел усадьбу в Токмаковом переулке (ныне здесь располагается Общество купцов и предпринимателей России). Однако спокойствие в этом доме длилось недолго, в середине 1890-х гг. начинается полоса тяжелых душевных переживаний. Около 1896 г. он расходится с М.Н. Найденовой, матерью его пятерых детей. Старший сын Сергей и дочери Нина и Мария уехали с матерью, а Марк и Лев остались с отцом. Позже Мария Николаевна вышла замуж за присяжного поверенного В.А. Александрова, а Н.А. Варенцов женился на Ольге Флорентьевне Перловой, происходившей из семьи известных московских часторговцев.

Судьба самого Николая Александровича и его детей от двух браков повторила жизненные пути многих, кому пришлось жить в смутные годы первой трети XX в. Старший сын Сергей, будучи учеником Александровского коммерческого училища, оказался участником революционных событий 1905 г. в Москве. Сергея Николаевича отец считал своим преемником и сделал его членом директората Большой Кинешемской мануфактуры. Но надеждам Николая Александровича не суждено было сбыться: С.Н. Варенцов погиб на фронте в первую мировую войну. Прапорщиками на этой войне воевали и два других сына – Марк и Лев.

Как и большинство представителей крупной буржуазии, Варенцов был членом партии октябристов, А.И. Гучков настойчиво предлагал ему войти в ЦК.

«Страх и трепет, угнетение души и сердца» – так, перефразируя слова из Библии, характеризовал Николай Александрович свое состояние первых послереволюционных лет. В Москве он жил под постоянной угрозой ареста. Вдруг оказалось, что его любимый дом в Токмаковом переулке имеет одно важное преимущество: выходя на две улицы, он позволял в случае опасности скрыться незамеченным. Варенцова не покидала тревога за сыновей. Марк в начале Октябрьской революции и боев в Москве вместе с юнкерами оборонял Кремль. Как известно, юнкера сдались Красной гвардии при условии, что их всех (без погон) выпустят из Кремля. «Я помню, – писал позднее Андрей Варенцов, – как Марк прибежал домой и отдал

мне на память пропуск на выход из Кремля, подписанный каким-то полковником. К сожалению, я этот пропуск закопал на чердаке нашего дома». Позже Марк и Лев участвовали в белом движении: Марк сражался в Деникинской армии, а Лев – у Колчака (отступая с его частями, попал в Китай и умер в эмиграции после 1930 г.).

В 1918 г. Николай Александрович решил покинуть Москву и пробраться на юг. Вместе с семьей своего племянника М.А. Сачкова, а также с Николаем Петровичем Бахрушиным и его сыном Николаем ему удалось перебраться на Украину в Киев, оттуда в Одессу – в надежде выехать оттуда за границу. Несколько лет они прожили в Одессе. В 1920 г. Варенцов совершенно случайно обнаружил в госпитале больного сыпным тифом и оставленного без присмотра сына Марка и выходил его. Тогда же, в 1920 г., приехала в Одессу, преодолев все трудности пути, и Ольга Флорентьевна с младшими детьми. Однако выехать за границу семье не удалось. Позднее Н.А. Варенцов вспоминал, как проводилась погрузка на иностранные пароходы, какая была в порту паника, как туда приезжали на великолепных экипажах, все бросали и со слезами просили взять с собой на пароход, но это почти никому не удавалось, поскольку грузили в основном белогвардейские части (все это описал И.А. Бунин в «Окаянных днях»). В 1922 г. Варенцов и его родные вернулись в Москву.

Дом в Токмаковом переулке подвергся уплотнению: с 1918 г. здесь были размещены многочисленные организации и жильцы, Николаю Александровичу и Ольге Флорентьевне пришлось перебраться в маленький домик по соседству (Денисовский пер., № 6), а затем в квартиру своей невестки, жены младшего сына Константина в доме № 25 по Старой Басманной улице. Н.А. Варенцов еще сохранял надежду как-то наладить жизнь: пытался, следуя провозглашенной советской властью «новой экономической политике», заняться предпринимательством, организовал товарищество по торговле тканями с Туркестанским краем, но в 1924 г. деятельность его предприятия была прекращена. Он пытался быть полезным своими знаниями и опытом, предлагая услуги в качестве консультанта ВСНХ по хлопковому делу. Об этом времени вспоминал А.Н. Варенцов: «Вообще-то семья наша в 20–30-е годы бедствовала и еле держалась на поверхности: время-то – частые обыски, аресты, карточки и полная обобранность. <.....> Но я никогда не слышал от отца жалоб и упреков. Все он принимал как кару за прошлую богатую жизнь».

Репрессии, видимо, за преклонность его лет, обошли стороной самого Николая Александровича, но не его семью. В 1927 г. был арестован и расстрелян по ложному обвинению ГПУ сын Иван. Зять – Владимир Львович Барановский (за ним была замужем дочь Нина, в первом браке Лист), брат жены А.Ф. Керенского Ольги Львовны, бывший полковник царской армии и генерал-майор, начальник кабинета военного министра Временного правительства, был репрессирован в начале 1930-х гг. В 1933 г. заболела тифом и умерла в Сокольнической больнице тяжело переживавшая гибель сына Ольга Флорентьевна, причем, как вспоминал А.Н. Варенцов, смерть избавила ее от ареста, вместо нее был арестован Николай Александрович, но вскоре выпущен, поскольку сумел доказать, что у него ничего уже не осталось⁴.

Марк, до революции окончивший юридический факультет Московского университета, по возвращении из Одессы работал юрисконсультантом, а свободное время проводил за шахматами (он имел первый разряд; в свое время был известным футболистом, в 1911 г. выступал за сборную Москвы). Как выходцы из буржуазных семей, младшие братья Андрей и Кон-

⁴ А.Н. Варенцов вспоминает, как были отобраны у Ольги Флорентьевны драгоценности в 1918 г.: «Мама получила повестку явиться в сейф, в котором хранила свои ювелирные вещи. Такие повестки получали все, у кого драгоценности хранились в сейфах. Там якобы должны были все переписать и дать охранную записку, а ключи отобрать. Мама почему-то взяла меня с собой. Помню элегантного молодого человека в черном костюме, при котором мама открывала сейф (стальной ящик с очень толстой крышкой). Он все переписывал. Когда он немного отвернулся, мама хотела спрятать какую-то драгоценность. Он сразу заметил: «Оставьте, гражданка, это все останется вашим». Квитанция-расписка была выдана. Больше своих драгоценностей мама не видела, а расписка где-то затерялась».

стантин постоянно испытывали на себе последствия своего социального происхождения: блестяще учившийся Константин не смог получить диплом промышленно-экономического техникума, созданного на базе Александровского коммерческого училища, ему пришлось поступить в заочный строительный техникум; позже братья работали в малозаметных технических конторах. В 1941 г. они были призваны в действующую армию, Константин погиб в ополчении под Москвой.

А.Н. Варенцов записал в своих воспоминаниях: «В зимы войны я, служа в гражданской обороне Москвы и работая преподавателем на офицерских курсах, иногда отпрашивался к отцу наколоть ему дров для маленькой печурки, установленной в его комнате. Дома тогда не топили, и электричества не было. Папа сидел, с головой накрывшись пальто, при маленькой коптилочке. Но он был молодец и, несмотря на возраст и голод, сам днем ходил и покупал, что мог достать. <...> Папа пережил войну в своей комнате. Во время бомбежек ни в какие убежища не ходил, а подходил к окну и смотрел, как рвались зенитные снаряды, летели трассирующие пули, и слушал специфический гул немецких бомбардировщиков».

По свидетельству членов семьи одного из друзей Н.А. Варенцова – профессора Н.Е. Пестова, живших неподалеку и поддерживавших одинокого старика, Николай Александрович в годы войны сильно бедствовал и болел. Он умер в возрасте 84 лет 22 января 1947 года. Один из его знакомых, писатель А.А. Солодовников, так сказал о Н.А. Варенцове: «После 1917 года он лишился всего и стал нищим в полном смысле этого слова. Пройдя через такие духовные перегрузки, он не утратил ясности души, все воспринимал с благодарением и умер, повторяя “Слава Богу!”»⁵. Ныне простой православный крест осеняет его последнее пристанище на Немецком (Введенском) кладбище, у Большой боковой аллеи.

Работу над воспоминаниями «Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое»⁶ Н.А. Варенцов начал в 1930-е гг. Их основу составили отдельные дневниковые записи, деловые заметки, письма, документы, часть которых, по свидетельству автора, погибла в 1918 г. Первоначальный, черновой вариант, написанный на отдельных листах бумаги, был перебелен и переписан в восемь общих тетрадей, причем текст вновь подвергся небольшой авторской правке стилистического характера, внесенной по большей части карандашом, изредка чернилами⁷. В начале каждой тетради автором было сделано краткое рабочее оглавление. Одна из глав (67-я) имеет точную дату написания – 13 мая 1933 г. В тексте упоминаются также события 1932 г. (гл. 53) и 1936 г. (гл. 36). О том, что работа над мемуарами была закончена во второй половине 1930-х гг., свидетельствует и внучка Николая Александровича – И.А. Глинская, читавшая их в те годы. Имеются сведения, что отрывки из воспоминаний читались близким автору людям: Ф.Н. Малинину, Н.Е. Пестову, А.А. Солодовникову.

1930-е гг. явились для Николая Александровича временем осмысления и подведения итогов своей жизни. Не случайно, что еще одну такую же общую тетрадь в коричневой коленкоровой обложке он заполнил многочисленными выписками из сочинений духовных писателей и философских трудов, в частности из бесед Серафима Саровского, сочинений Игнатия (Брянчанинова), работ Н.А. Бердяева «Судьба человека в наше время» и П.А. Флоренского «Столп и утверждение истины»; возникает здесь и апокалиптическая тема.

Воспоминания Н.А. Варенцова относятся к купеческой мемуаристике, которая не была столь обширна, как, например, дворянская или революционная. Интенсивное промышленное развитие России в конце XIX – начале XX в. не нашло достаточного отражения в мему-

⁵ Московский журнал. 1992. № 3. С. 41.

⁶ Ср.: Найденов Н.А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1903–1905. Ч. 1–2.

⁷ Помимо семи тетрадей, переданных в 1980 г. в ГИМ, у родственников сохранилась первая тетрадь названных мемуаров и неоконченная тетрадь воспоминаний о первом послереволюционном времени под названием «Жуткие годы». Приносим сердечную благодарность Л. Н. и В. А. Варенцовым, разрешившим воспользоваться хранящимися у них материалами и включить их в публикацию мемуаров Н.А. Варенцова.

арной литературе: главные участники этих событий – купцы, промышленники, банкиры – не вели дневников, а после 1917 г., оказавшись не у дел, очень немногие взялись писать мемуары. Опубликованы и многократно цитировались воспоминания Н.А. Найденова, П.А. Бурышкина, И.Д. Сытина, М.В. Сабашникова, С.И. Четверикова, П.И. Щукина и некоторые другие. Архивные разыскания (в государственных и частных собраниях) дают возможность постепенно расширять этот круг.

Данная область мемуаристики мало изучена, большая часть представляющих ее текстов стала известна сравнительно недавно. Купеческие воспоминания, написанные до революции, имеют характерную особенность: мемуаристы не предназначали свои произведения для широкой публики, видимо, находя свою жизнь и деятельность недостаточно общественно значимыми. Имея средства, авторы печатали свои воспоминания – но в очень ограниченном количестве экземпляров, не предназначая их для продажи⁸, и с указанием: «Для лиц, принадлежащих и близких к роду составителя»⁹.

Купеческое сословие не было однородным, из него выходили не только предприниматели, но и коллекционеры и меценаты. По этой причине часть мемуаров, возникших в купеческой среде, посвящена главным образом литературе и искусству. Таковы воспоминания П.И. Щукина, А.П. Бахрушина, И.Д. Сытина, М.В. Сабашникова. Деловой – промышленно-торговый и банковский – мир России описан не столь полно. Некоторые мемуаристы писали только о собственных предприятиях; другие, задумав обширное повествование, не успели довести его до конца.

К числу последних относятся воспоминания Н.А. Найденова, человека, занимавшего одно из ведущих мест в купеческой среде и обладавшего широким историческим кругозором. В его мемуарах судьба человека дается в контексте общеисторических событий. Рассказы автобиографического характера, подробно излагающие историю найденовского рода, детство и юность автора, начало его деловой карьеры, сочетаются здесь с описанием реформ городского и сословного управления, изложением истории ряда предприятий, психологическими портретами¹⁰. Воспоминания Найденова доведены только до 1870-х гг., о самом значительном периоде своей жизни автор рассказать не успел.

Как нам представляется, именно найденовские мемуары послужили образцом для Н.А. Варенцова. Это сказывается не только в перекличке названий, но и в общем подходе к материалу, в стремлении дать широкую картину жизни купеческого сословия, выйти за узкие биографические рамки. Примечательно, что именно известием о смерти Найденова заканчиваются мемуары Варенцова.

«Москва купеческая» достаточно полно представлена в известной книге П.А. Бурышкина, однако этот труд соединяет в себе черты мемуаров и исторического исследования, поскольку автор в значительной степени опирался на собранные им документальные материалы и устные рассказы¹¹. Его первые собственные наблюдения над торгово-промышленным миром Москвы относятся к 1904 г., когда он начал выполнять секретарские обязанности при своем отце; активным же участником общественно-деловой жизни Бурышкин стал только в 1912 г. Будучи на 25 лет моложе Н.А. Варенцова, П.А. Бурышкин, конечно, не мог быть свидетелем событий, относящихся к последней трети XIX в., более того, он не имел и такого обширного круга личных знакомств, как автор публикуемых мемуаров. Поэтому

⁸ См.: [Вишняков Н.П.] Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. М., 1903–1911. Ч. 1–3. 100 экз.; Щукин П.И. Воспоминания. М., 1911–1912. Ч. 1–5. 50 экз.

⁹ Найденов Н.А. Воспоминания... М., 1903. Т. 1.

¹⁰ См.: Иванова Л.В. «Издатель и писатель по старой Москве»: Николай Александрович Найденов. 1834–1905 // Краеведы Москвы. М., 1995. [Вып. 2]. С. 77–78.

¹¹ См.: Бурышкин П.А. Москва купеческая. М., 1990.

воспоминания Варенцова превосходят по богатству, широте охвата событий и сообщаемой информации книгу Бурышкина.

Мемуары Н.А. Варенцова охватывают период с середины 1870-х гг. до 1905 г. (эта крайняя дата была выбрана автором вполне сознательно). Их ценность как исторического источника не подлежит сомнению: они принадлежат человеку, благодаря своим обширным семейным и деловым связям хорошо знавшему описываемых персонажей и старавшемуся излагать события и факты максимально объективно.

Как предписано жанровыми канонами, Варенцов подробно излагает историю своего рода; в других источниках сведения об этой старинной купеческой семье отсутствуют. Автор мемуаров, безусловно, опирался на семейные предания, рассказы матери, других родственников. По возможности полно описывает основные генеалогические ветви семьи, отмечает все фамильные связи. Постоянное общение с родственниками, совместная предпринимательская деятельность, семейные обеды, не обходившиеся без рассказов и устных воспоминаний, дали Варенцову богатый фактический материал для мемуаров.

Кроме того, три десятилетия активного участия в российской торгово-промышленной жизни доставили Варенцову обширный круг знакомых: с одними он был связан дружескими отношениями, с другими – длительными деловыми; более того, «по долгу службы» ему приходилось наводить справки о состоянии дел своих клиентов. Ярko и колоритно обрисованы им известные представители купеческого мира Москвы и других городов России: Т.С. Морозов, А.А. и Н.П. Бахрушины, Н.А. Найденов, Н.А. Алексеев, целые семейные династии – Хлудовых, Востряковых, Боткиных, Рябушинских, Перловых, Коноваловых, и многие, многие другие. Автор описывает свои встречи с Д.И. Менделеевым, С.Ю. Витте, великим князем Николаем Константиновичем, Н.М. Барановым, И.Л. Горемыкиным, А.С. Сувориным, А.И. Коноваловым и другими известными людьми.

Художественная ткань мемуаров Варенцова включает целый ряд биографических очерков, в которых автор выстраивает не только жизненную канву своих героев, но дает им самостоятельные, тонкие характеристики. О некоторых персонажах варенцовских воспоминаний в настоящее время известно достаточно много по воспоминаниям их современников и потомков, а также по работам историков, тем не менее в публикуемом тексте читатель найдет описание любопытных бытовых деталей, внешности, подмеченных мемуаристом привычек и черт характера.

В мемуарах показаны пути становления и развития ряда мануфактур, торговых фирм и предприятий: от крупнейшей в России Кренгольмской мануфактуры до небольших хлопкоочистительных заводов в Средней Азии. При этом сообщаются такие сведения и подробности, большинство из которых невозможно найти в дореволюционных историко-статистических очерках и юбилейных изданиях¹².

О человеческих качествах мемуариста можно судить по тем оценкам, которые иногда сопровождают повествование, а также по авторским симпатиям и антипатиям. В основе всей деятельности Н.А. Варенцова лежала предпринимательская мораль, унаследованная им от предков и заключавшаяся в честных правилах ведения своего дела. Поэтому он нетерпимо относился ко всякого рода «грюндерским» проектам, разорявшим доверчивых и не слишком опытных вкладчиков, к безудержной наживе за счет спекулятивных махинаций и нечестной биржевой игры.

Типичный представитель своего сословия, человек думающий и наблюдательный, умудренный опытом прожитых после революции лет, Варенцов в своих воспоминаниях

¹² См., напр.: *Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1915. Т. 1; *Грязнов А.Ф.* Ярославская Большая мануфактура. М., 1910; Торговое и промышленное дело Рябушинских. М., 1913; Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых. М., 1915.

пытался осмыслить эпохальные события российской истории, свидетелем которых он был, и общественные настроения своего времени и класса. Мемуарист анализирует смену поколений в русском купечестве, когда прежних «крепких и сильных духом» купцов сменили их дети, более слабые и суетные; осуждает политическую непримиримость и то, что теперь называется «двойным стандартом».

В воспоминаниях Варенцова нашли отражение его многочисленные поездки по России, Средней Азии, в Египет, европейские страны, Париж, Рим, Вену, Монте-Карло, Ниццу. Эти путевые очерки полны интересных сведений, наблюдений и описаний, касающихся истории, культуры, достопримечательностей и обычаев виденных стран.

Отдельные главы посвящены укладу жизни купечества, обычаям и семейным праздникам, паломничеству в Троице-Сергиеву лавру, тут многое перекликается с известными книгами И.С. Шмелева «Лето Господне» и «Богомолье». Хотя Варенцов не обладал таким блестящим литературным мастерством, как Шмелев, в его записках мы также найдем яркие бытовые зарисовки. В некоторых случаях автор выразительно показывает эволюцию русской жизни в XX столетии, разрыв духовных связей в обществе.

Н.А. Варенцов записывал воспоминания спустя несколько десятилетий после описываемых событий. Лишившись библиотеки, отобранной у него вместе с домом в Токмаковом переулке, он в стесненных бытовых условиях 30-х годов не имел под рукой справочных изданий, которые позволяли бы уточнить имена, названия, даты. И все же его редко подводила память: обращение к известным справочникам, в том числе «Вся Москва» и «Весь Петербург», подтверждает правильность подавляющего большинства называемых им имен и фамилий, даже у эпизодических персонажей. Это позволяет предполагать, что мемуарист опирался на первоначальные заметки дневникового или делового характера. На такой принцип работы указывает и авторское замечание в тексте 62-й главы. «Еще при самом начале моего путешествия по Египту, – пишет Варенцов, – я был очарован от всех получаемых впечатлений [от] этой дивной страны и уже тогда решил вести записи вроде дневника, чтобы в будущем можно бы составить воспоминания о своем путешествии». Для этого он приобрел в Александрии фотокарточки, на обороте которых стал «писать в конспектном виде все переживаемое и их отсылать в закрытом виде в Москву детям, с предупреждением, чтобы они карточки сохранили до моего приезда». Дети так и поступили, фотографии были «мне вручены и все время лежали в укромном месте, ожидая приведения в исполнение моего желания, но в революционное время во время моего отсутствия из Москвы все бумаги были вытасканы и уничтожены, то же случилось и с египетскими фотографиями, за исключением двух карточек, из которых увидел стоимость букетов роз, клубники и еще что-то, иначе можно ли запомнить такие мелочи!».

Воспоминания Варенцова обладают высокой степенью достоверности – в изложении событий, в характеристиках людей, в описаниях и деталях. Пожалуй, наиболее разительным примером правдивости записок может служить рассказ, раскрывающий историю создания известного полотна В.В. Пукирева «Неравный брак». Варенцов пишет о том, что в ее основу был положен рассказ Сергея Михайловича Варенцова, друга художника и двоюродного дяди мемуариста, он же и был первоначально изображен в виде шафера невесты. Эта версия расходится с общепринятой, основывающейся на сообщении В.А. Гиляровского, согласно которой материал для картины дала жизненная драма самого художника, а изображение шафера является его автопортретом. Недавние разыскания искусствоведа Л.В. Полозовой подтвердили варенцовское семейное предание: сравнение изображения шафера на эскизе к картине «Неравный брак» (ГТГ) с портретом С.М. Варенцова также кисти Пукирева не оставляет

сомнений в том, что здесь изображено одно и то же лицо. В окончательном варианте картины (вследствие недовольства С.М. Варенцова) шаферу были приданы черты Пукирева¹³.

В воспоминаниях выведена яркая фигура М.А. Хлудова, храбреца и богатыря, участника Среднеазиатской экспедиции и турецкой войны. Многим современникам он запомнился своими экстравагантными поступками и умением приручать диких животных, поэтому варенцовские рассказы находят подтверждение как в мемуарных источниках¹⁴, так и в изобразительных¹⁵. Жена М.А. Хлудова, Вера Александровна, оставшаяся молодой вдовой, была знаменита тем, что дала первый в Москве «электрический бал», о нем, но без упоминания имени хозяйки, также писал В.А. Гиляровский¹⁶.

Мемуары Варенцова представляют интерес для историков литературы: некоторые из описанных здесь лиц послужили прототипами литературных героев. Представители хлудовского семейства, известного в Москве своим богатством и причудами, были выведены Н.Н. Каразиным в романе «На далеких окраинах», А.Н. Островским в «Горячем сердце», Н.С. Лесковым в «Чертогоне». Преступление В.Ф. Мазурина, о котором со слов семейного врача Ю.П. Гудвиловича пишет Варенцов, нашло отражение в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». Крах Скопинского банка дал А.П. Чехову материал для серии репортажей «Дело Рыкова и комп.», опубликованных в 1884 г. в «Петербургской газете». В своей автобиографической прозе А.М. Ремизов вспоминает все найденовское семейство, его дом на берегу Яузы и сад, обращаясь тем самым к сюжетам и персонажам, о которых пишет и Варенцов.

Композиционно воспоминания, состоящие из 86 глав без заглавий, делятся на четыре части. Первую составили главы, посвященные началу коммерческой деятельности автора и его работе в САТПТ; вторая охватывает тот этап жизни Варенцова, который был связан с Найденовым, МТПТ и поездками в Среднюю Азию; в третью часть вошли рассказы о купцах, предприятиях и фирмах, которых хорошо знал Варенцов; и, наконец, в четвертой описана бытовая жизнь купечества и представлены размышления Варенцова над общественными катаклизмами начала XX в. Трудно сказать, была такая композиция продумана предварительно или сложилась в ходе работы. Хотя можно указать ряд перебивов в повествовании, все же мысль автора развивается логично, события его жизни и возникающие по ассоциации воспоминания наложены на четкую хронологическую канву.

Мемуары Варенцова написаны сочным, метким, живым языком; однако автор, не имевший большой литературной практики, в своей речи иногда допускал ошибки (неправильное употребление деепричастного оборота, несогласование, неверный порядок слов).

Охватывающие в своем повествовании весь девятнадцатый век и первую треть века двадцатого, воспоминания Варенцова насыщены событиями и персонажами. Но, кроме того, в них явственно ощущается личность самого мемуариста – человека талантливого, наблюдательного, думающего и независимого в своих суждениях; именно потому его книга не несет печати времени ее написания – 30-х годов XX в. Все это делает воспоминания Н.А. Варенцова ценным источником сведений о развитии предпринимательского дела в России второй половины XIX – начала XX столетий, быте и культуре Москвы того времени.

¹³ Подробнее см.: *Варенцов Н.А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое: Купеческий род со Старой Басманной // *Наше наследие.* 1997. № 43/44. С. 80–81, 83.

¹⁴ *Гиляровский В.* Москва и москвичи. С. 118–121; Константин Коровин вспоминает... М., 1990. С. 337.

¹⁵ См., напр., гравюру, изображающую М.А. Хлудова с мирно лежащим у его ног гепардом, помещенную в журнале «Всемирная иллюстрация» (1870. № 72. С. 354).

¹⁶ *Гиляровский В.* Москва и москвичи. С. 221–222.

* * *

Настоящее издание осуществлено по беловому автографу: главы 16–86 – по рукописи, хранящейся в ОПИ ГИМ (Ф. 458. № 104960), главы 1–15 и «Жуткие годы» – по тетрадям, хранящимся в семейном архиве Варенцовых.

Текст печатается с учетом небольшой авторской правки, внесенной карандашом. Пунктуация и написание ряда слов приведены в соответствие с современными нормами, описки и грамматические ошибки исправлены без оговорок. В квадратных скобках восстанавливаются необходимые по смыслу слова. Встречающиеся в тексте индивидуальные сокращения (например, слов «мануфактура», «товарищество», «банк» и т. п.) раскрыты без оговорок. Стилистические особенности авторского текста сохранены, лишь в некоторых случаях исправлены очевидные ошибки.

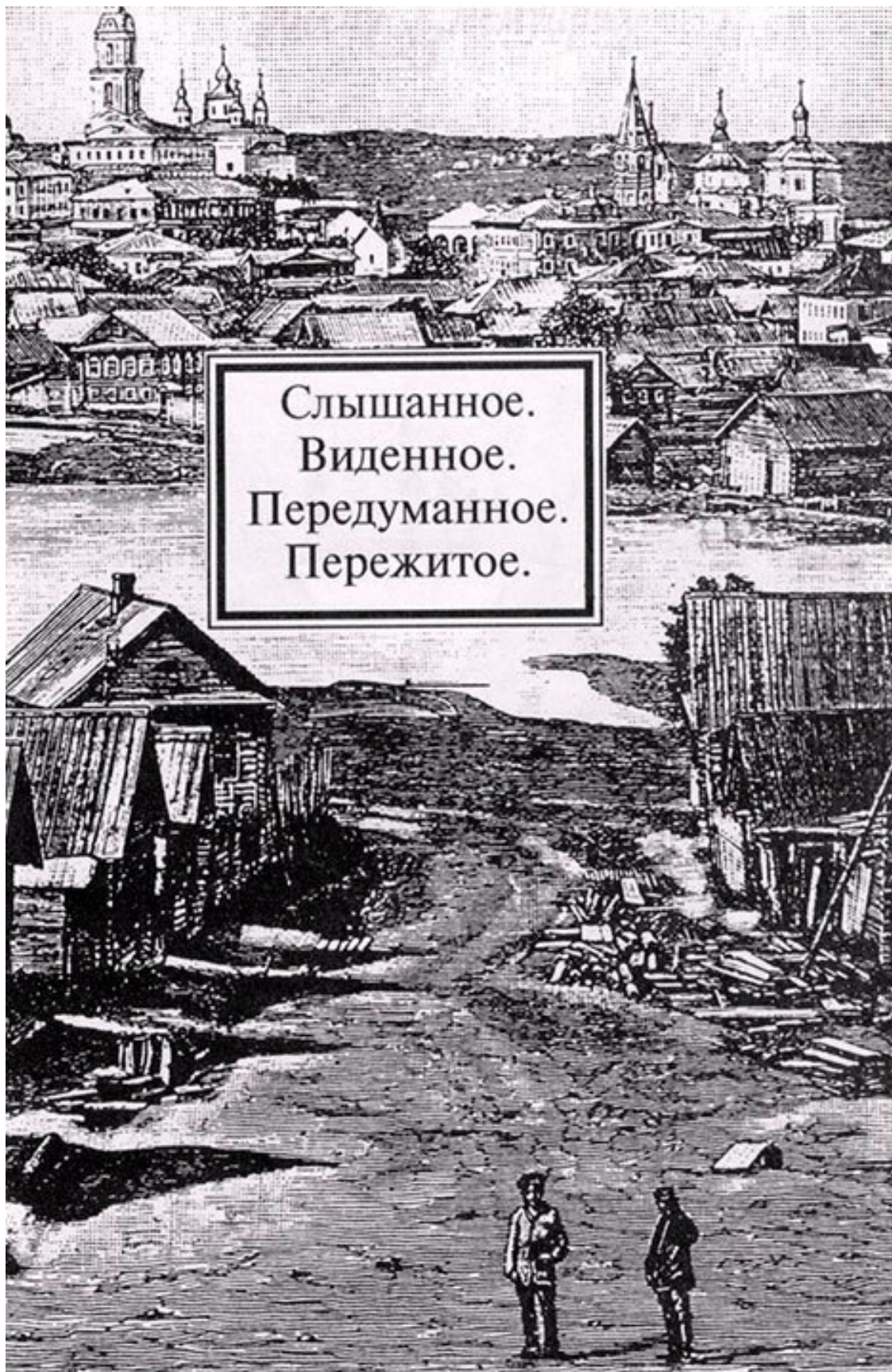
* * *

Публикаторы благодарят потомков Н.А. Варенцова – *Г.А. Андреева, Л.Н. Варенцову, Л.П. Варенцову, К.М. Варенцова, И.А. Глинскую, Е.Л. Юдину* – за интерес к нашей работе и помощь, за предоставление возможности ознакомления с хранящимися в их семейных архивах материалами. Искренняя признательность *Е.А. Агеевой, Л.В. Ивановой, С.В. Ильину, Л.Н. Краснопевцеву, Ю.А. Петрову, Л.В. Полозовой, С.К. Романюку, О.В. Рыковой и Н.А. Филаткиной* за консультации и советы, заведующему ОПИ ГИМ *А.Д. Яновскому* – за содействие в работе над рукописью воспоминаний.

При иллюстрировании книги использованы живописные, графические и фотографические материалы из собраний Государственного Исторического музея, Государственной Третьяковской галереи, Музея В.А. Тропинина в Москве, Центрального московского архива документов на специальных носителях (фонд Н.М. Щапова), а также из архивов: семьи *Варенцовых, Н.А. Добрыниной, В.Н. Живаго, А.П. Крюкова, В.А. Любартовича, Н.Е. Пестова, М.В. Пржевальского, Н.А. Филаткиной, А.Н. Фирсанова, М.С. Хлудовой.*

В.А. Любартович, Е.М. Юхименко

Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое

Часть I

Глава 1

Многое, виденное мною в жизни, я запомнил, но время, этот великий учитель, указал мне необходимость передать людям многое, чему я был свидетелем: оно будет дорисовывать тот век и образ мыслей людей тогдашнего времени.

Из записок М.С. Щепкина, 1859 г.

В апреле 1886 года мне сообщил Николай Александрович Найденов, мой тесть, что я выбран на общем собрании учредителей кандидатом в члены правления во вновь образовавшееся Товарищество¹⁷ «Н. Кудрин и К^о» и что мне нужно пойти туда такого-то числа в 9 часов утра.

В указанный день проснулся рано, ночь спал плохо: меня волновали разные мысли о полезности моей в этом деле. Задавал вопрос: в чем могу проявить свою деятельность? Я совершенно не был подготовлен к практической жизни: бухгалтерия для меня была темная наука, с ее терминами «актив», «пассив», «кредиторы», «дебеторы», «сальдо», «переходящие суммы» и другие наименования – были для меня пугалом; формами письменных изложений тоже не отличался, да и терпеть не мог такую работу; взять на себя внутренний распорядок конторы не мог из-за полного незнакомства с делом; обладал полным незнанием тех товаров, с которыми придется иметь дело.

Взволнованный вышел из дома в 8 часов утра и приехал к Троицкому подворью¹⁸ на Ильинку за три четверти часа до назначенного времени. Отворивший дверь артельщик указал мне комнату, где за письменным столом сидел и работал Николай Павлович Кудрин. Он быстро писал; на одной стороне стола лежала пачка написанных им писем, а на другой – стакан чая. Я ему отрекомендовался: он встал, поздоровался и предложил сесть напротив.

Кудрину на вид было лет под пятьдесят, был довольно высокого роста, плечистый, крепко сложенный, с небольшим брюшком, с отличными густыми темными волосами, с раскосыми глазами и с большими скулами, имел усы и жидкую бородку и видом очень походил на калмыка.

После некоторых любезностей он вместо того, чтобы сразу выяснить мое положение и род занятий, начал характеризовать свое дело, с перечислением всех товаров, контор, и, увлекшись, перешел на объяснение тех успехов, которые можно ожидать от дела в будущем.

Наконец я ему задал вопрос: «Укажите мои обязанности». Он ответил: «Сидите и читайте газеты!» Я почувствовал, как лицо мое все вспыхнуло: его слова я принял для себя за обиду. Кудрин сразу понял мое настроение и добавил: «Наше дело очень связано с курсом рубля, а потому, понятно, надо быть весьма чутким к политическому положению, а учесть это состояние можно только из газет, читая внимательно их ежедневно, а относительно дела будет указано по мере необходимости в вашей услуге».

¹⁷ Товарищество – ассоциация предпринимателей, имеющая, согласно законодательству Российской империи, следующие разновидности: 1) товарищество «полное» («торговый дом»), в названии которого перечислены все его участники-«товарищи», отвечавшие своим имуществом в случае несостоятельности фирмы; 2) товарищество «на вере», в названии которого кроме фамилий его участников должно стоять «... и К^о», когда помимо «полных товарищей» в деле участвовали вкладчики, ответственность которых была ограничена суммой вклада; 3) товарищество «на паях» («акционерное общество»), когда его участники-пайщики или акционеры несли ответственность в пределах своего вклада в основной капитал предприятия.

¹⁸ Троицкое подворье (подворье Троице-Сергиевой лавры) – центр деловой жизни Китай-города, самое высокое гражданское сооружение центра Москвы того времени. Построено в 1876 г. для сдачи под квартиры, конторы и склады на ул. Ильинке, д. 5.

Из всей дальнейшей с ним беседы я понял, что не подошел к его желаниям: он искал лицо, могущее вложить большие средства в дело, чего я сделать не мог, да и мой тесть предупредил меня: «Входить в Товарищество с большими деньгами не следует, нужно сначала осмотреть его и узнать, что оно из себя представляет!»

Н.П. Кудрин был очень умным человеком, с сильным характером и волей, но благодаря недостаточности воспитания и малого образования у него проглядывали черточки характера, отталкивающие от него лиц, имеющих щепетильную совесть, что, несомненно, вредило ему в деле¹⁹.

В это утро после меня первым посетителем Н.П. Кудрина был ивановский фабрикант Константин Иванович Маракушев.

Маракушев был высокого роста, полный, с круглым лицом, бороду брил, а имел усы; глаза у него были большие голубые, и мне казалось, что в них сквозило какое-то недоверие к Николаю Павловичу, с боязнью, чтобы он его не «объехал на кривой»; держал себя сначала с некоторым апломбом, выцеживая слова с предварительным обдумыванием и, когда говорил, откидывал свою голову назад.

После непродолжительной деловой беседы, окончившейся благоприятно для обеих сторон, Кудрин перевел разговор на Азию и на то будущее значение, какое она будет несомненно иметь. Кудрин обладал блестящим даром речи, говорил красиво и толково и с особым умелым подъемом, создавал полную картину развития богатств этого недавно присоединенного к России края. Его речь была по слабым струнам у лиц, страдающих тщеславием и сребролюбием, какими слабостями и страдал г-н Маракушев. Кудрин уверял, что этот край настолько богат, что один может употребить всю продукцию русских текстильных фабрик [и] сделается через 10–20 лет второй Америкой благодаря имеющимся громадным земельным ресурсам, с многосажженным пластом лёссового²⁰ наслоения, его следует только оросить, что весьма легко сделать благодаря рекам Сыр– и Амударье, несущим воду в громадном количестве со снеговых гор во времена таяния. Уверял, что даже и при том количестве земли, которое обрабатывается в данное время, если только доставить туда русский хлеб из Кубани и Семиречья²¹, цена которого очень дешева, то землевладельцы почти все перейдут на посевы хлопка, дающего большую пользу обрабатывающим. Указал, что Средняя Азия кроме хлопка имеет еще другие разные товары, требующиеся в большом количестве, как-то: шерсть овечья, верблюжья, кожи, шелк-сырец, каракуль, шкурки которого очень ценятся на рынках Европы и у нас как по своей прочности, так и по красоте завитков; между тем кара-

¹⁹ Могу указать этот его недостаток в примере. На Нижегородской ярмарке он отправлялся на обед, даваемый ярмарочным купечеством губернатору, я увидел его готовым к выходу, в порывавшей шляпе с отрывающимися полями, и сказал: «Пора бы вам купить новую шляпу!» Он махнул рукой и ответил: «Куплю». Возвратился с обеда в новой шляпе и в новых калошах, тогда как ушел без калош. Я его поздравил: «Наконец-то купили! Старая шляпа прямо была неприлична». Он, хохоча, ответил: «Нет, не покупал, надел чью-то чужую, да, кстати, и калоши, теперь долго не придется покупать». Вообще я замечал, что ему доставляло большое удовольствие оставить кого-нибудь в дураках, и от всех таких удач он был весел и от души потешался над пострадавшими. Родился Н.П. Кудрин в бедной мещанской семье в Оренбурге; родители его отдали в учение какому-то купцу, имеющему меновую торговлю с азиатами. Как приходилось слышать, меновая торговля того времени отличалась обгориваньем покупателей, т. е. обмерить, обвесить, подменить и тому подобное. Нужно думать, что Кудрин достиг в этом большого совершенства, так как вскоре сделался старшим приказчиком и потом поступил в крупную ситцевую фирму Н.Н. Коншина, заняв там ответственную должность. Коншин, ликвидируя свое оренбургское отделение, предложил Кудрину и другому своему работнику, Попову, купить его дело в рассрочку на несколько лет платежом. Дело они купили, но два компаньона поладить друг с другом не могли, и Попов продал свою часть Кудрину. Кудрин, имея широкий характер, пооткрывал во всех больших городах Средней Азии отделения, но имел небольшие средства в деле, ему трудно было вести его, а потому он задумал учредить товарищество, чтобы значительную часть своих паев распределить между фабрикантами, интересующимися сбытом своих фабрикатов на рынках Азии.

²⁰ Лёсс – богатая известью осадочная горная порода светло-желтого или палевого цвета, характерная для степных регионов.

²¹ Семиречье – юго-восточная часть Казахстана, где протекают семь главных рек этого района: Или, Каратал, Биен, Аксу, Лепса, Баскан, Сарканд, – древнейший центр цивилизации Средней Азии, с середины XIX в. входила в состав России. Место дислокации семиреченского казачьего войска, созданного в 1867 г.

кулеводство существует только в одном месте всего мира, а именно в Бухарской провинции под наименованием Каракуль²². Каракуль славится своей солончаковой почвой, растительность ее имеет особое влияние на образование изящных шкурок у овец.

Кудрин утверждал, что горы, находящиеся в Средней Азии, ждут разработок, в них, несомненно, имеются все признаки нахождения золота, нефти, каменного угля и других минералов, и все это требует труда и денег. И заканчивая свою речь, он сказал: «Средняя Азия – жемчужина большой ценности в короне царя!»

К.И. Маракушев слушал его с большим вниманием, было видно, как все эти перспективы, высказываемые Кудриным, вливаются в его душу как особой прелести бальзам. Маракушев начал ерзать на месте, апломб и бывшее в его глазах недоверие к Кудрину исчезли, взамен чего появилась улыбка, с любовью посматривал он на Николая Павловича. Расстались они уже друзьями. Маракушев потом стал крупным пайщиком Товарищества и большим приятелем Кудрина.

В этот день Николая Павловича навещало много лиц, и я заметил, что он быстро улавливал душевные слабости каждого с ним говорившего и с особой чуткостью и умением подходил к нему, заставляя внимательно вслушиваться в его речь и поддаваться невольно его влиянию.

Приходило много – и всегда группами – азиатских купцов, хотя в это время года их проживало в Москве сравнительно небольшое количество. Я на них смотрел с особым удовольствием. Мне нравились их пестрые халаты, чалмы, ичиги²³; особый способ здороваться, прижимая руки одну ко лбу, другую к сердцу, потом подавая обе руки и держа себя за бороду, творя в это время про себя молитву. К Кудрину все они относились с особым чувством благоговения, по крайней мере, мне так казалось. Он свободно говорил по-татарски, азиаты пристально смотрели ему в лицо, не пропуская ни одного звука, и мне казалось, что они его любили и ему верили.

Весь мой первый день так называемой «работы» прошел в наблюдении и с большими впечатлениями. Вечером, покидая контору, я был как загипнотизированный, Кудрин меня превратил в морехода, увлеченного пением легендарной сирены. Я слушал его с восхищением и с полным желанием вложить в это дело все, что я имел в себе лучшего.

Дни потекли за днями, постепенно пополняя мои знания и опыт, открывая новые горизонты на жизнь, на людей с их страстями и слабостями. Кудрин ежедневно приходил в контору за час или даже за два до начала занятий в конторе, писал бесконечные письма, а с 9 часов начинался прием клиентов, с которыми он так же убедительно говорил об Азии и ее богатствах с целью, как я понимал, воздействовать на психику фабрикантов. И это ему в значительной степени удавалось; фабриканты слушали, покрывали, подписывались на пай, но, по своему мировоззрению, вместо кредитов за пай вручали залежавшиеся у них товары, то есть брак, думая про себя: «Это не денюжки, что у бабушки, а то денюжки, что за папушкой». Несмотря на все это, пай были разобраны и Товарищество начало функционировать с капиталом миллион рублей.

Усиленная агитация Николая Павловича не осталась безрезультатной, как говорят: «На ловца и зверь бежит». Кудрин случайно в вагоне поезда познакомился с господином, внушавшим своим видом и интеллигентностью полное уважение и доверие. Они разговорились, и Кудрин не преминул рассказать об Азии, что он говаривал другим, в таких же красочных выражениях и с большим увлечением. Они познакомились, господин оказался Гофмейстером Генрихом Карловичем, главным управляющим всеми имениями и сахарными заводами

²² *Каракуль* – населенный пункт в низовьях реки Зеравшан, в пустынно-приоазисном районе на территории Бухарского эмирата, центр овцеводства.

²³ *Ичиги*, ичеготы (тюрк.) – мужские и женские высокие сапоги из мягкой кожи или цветного сафьяна.

князя Александра Сергеевича Долгорукова. Как мне потом пришлось слышать, у князя дела шли весьма плохо, имения давали ему очень маленький доход, но, когда во главе управления стал умный, честный Г.К. Гофмейстер, дело скоро приняло другой оборот, имения стали давать большой доход. Гофмейстер приобрел у князя большое доверие и расположение.

Кудрину пришла мысль предложить Гофмейстеру продажу сахара с княжеских заводов. Из Азии были вытребованы образцы английского сахара, идущего в Персии. Персияне привыкли к английскому, имеющему вид маленьких головок, упакованных в синюю бумагу. Такие же головки были сделаны сахарными заводами князя. Партия, отправленная в Мерв и Асхабад, пограничные города Персии, имела успех; персидские купцы покупали с охотой, постепенно вытесняя английский сахар из Северной Персии по дешевизне провоза и хорошего качества.

Гофмейстер доложил князю о новом рынке сбыта сахара с его заводов и не преминул рассказать о Н.П. Кудрине и том впечатлении, которое он произвел на него. Князь выразил желание познакомиться с Н.П. Кудриным, что было сделано Гофмейстером. Кудрин в свою очередь и князя увлек своими рассказами, и он пожелал приобрести паи Товарищества.

Нужно сказать, что князь Долгоруков был очень близким человеком государю Александру III, в детстве они вместе росли и учились, и, когда Александр вступил на престол, Долгоруков был сделан обер-гофмейстером двора государя. Кроме того, князь Долгоруков был свояком министра двора Воронцова-Дашкова, они были женаты на родных сестрах гр. Шуваловых²⁴. Князь, рассказывая Воронцову-Дашкову о впечатлении, произведенном на него Кудриным, заинтересовал его повидать русского самородка. Молва и разговоры распространились в высшем придворном кругу двора царя и дошли до великой княгини Марии Павловны, а потом и до государя, и все они пожелали видеть его.

Кудрин, представляясь государю, с таким же успехом рассказал все об Азии и ее богатствах, после его ухода государь сказал Воронцову-Дашкову о Кудрине: «Наш милый и интересный калмык».

Кудрин сделался самым модным человеком в С.-Петербурге, он был принят государыней, наследником, всеми великими князьями, а за ними всеми выдающимися при дворе лицами. И ему пришлось долго жить в Петербурге, чтобы удовлетворить всех желающих его видеть. Как мне передавал Кудрин, он имел у всех успех.

Говоря о Кудрине, понятно, начали говорить об Азии и ее богатствах и о необходимости обратить внимание на нее.

Если бы не Кудрин с его возбуждающими речами, я уверен, Средней Азии еще пришлось бы долго находиться в заброшенном виде, отделенной от России громадными бесплодными степями и песками, но он с его энтузиазмом возбудил спящие сферы нашего высшего правительства, после чего дело заглохнуть не могло. А потому я считаю, что Н.П. Кудрин был первым пионером по развитию Средней Азии, в короткое сравнительно время достигшей большого процветания. И кудринское Товарищество под наименованием «Среднеазиатское товарищество Н. Кудрин и К⁰» было первым инициатором по выписке в больших размерах американских семян и по распространению их между посевщиками-туземцами. И эта слава за Кудриным должна остаться вечно. Пишу об этом, считая необходимым воздать ему должное, так как немногим это известно.

В 1925 или 1926 году мне пришлось зайти к Михаилу Григорьевичу Ерофееву, занимавшему в то время ответственный пост в каком-то хлопковом учреждении, устроенном Советским правительством. Ерофеев мне передал, что он составил бумагу с изложением первых инициаторов по развитию хлопка из американских семян, сделал все это он по поручению

²⁴ Жены А.С. Долгорукова и И.И. Воронцова-Дашкова – княгиня Ольга Петровна Долгорукова и графиня Елизавета Андреевна Воронцова-Дашкова родными сестрами не были.

своего начальства. Ерофеев прочел мне ее. Но после того, как я рассказал все, что описываю здесь, он был очень сконфужен и мне ответил: «Я совершенно этого ничего не знал, теперь неловко взять обратно бумагу, пусть останется, как написано».

Первыми же посевищиками хлопка из американских семян были жители города Ташкента гг. Лахтин и С.И. Тарсин. Посев производился у них в садах при домах, где они жили. Полученное от посева волокно было ими послано на Всероссийскую выставку, бывшую в Москве в 1882 году²⁵. За этот хлопок им была присуждена высшая награда. Эксперты нашли волокно хлопка подходящим к американскому сорту «Си-Айленд»²⁶.

Нельзя отнять этой заслуги у гг. Лахтина и Тарсина, показавших всем интересующимся хлопком возможность разведения высших сортов хлопка в Средней Азии, и эта заслуга останется за ними навсегда.

Эксперты, вынося свое основательное заключение, и не могли ничего большего сделать, и скоро труды Лахтина и Тарсина забылись. Лица, причастные к хлопководству, то есть туземцы, совершенно хладнокровно отнеслись к этому факту, да – я и уверен – они об этом не знали, а если даже знали, что они могли сделать, не имея семян? Для того чтобы ввести американские семена между посевищиками, требовались большие усилия и денежные затраты, что было сначала сделано Товариществом Кудрина, а потом Большой Ярославской мануфактурой.

Глава 2

Состав правления Среднеазиатского товарищества «Н. Кудрин и К^о» был из следующих лиц:

Директором-распорядителем: Н.П. Кудрин.

Директорами: Александр Лукич Лосев, Николай Павлович Рогожин, Александр Александрович Найденов.

Кандидатом к ним я.

О Н.П. Кудрине я уже кое-что рассказал, еще добавить могу, что его семья жила в Оренбурге, и предполагалось, что он будет жить там же, то есть в главной конторе по своим торговым операциям, и действительно, он туда часто ездил и жил там по месяцу и более. В Оренбурге у него был свой каменный двухэтажный дом.

А.Л. Лосев был директором Собинской мануфактуры и крупным там пайщиком, был образованным и начитанным человеком, отличался твердой волей и характером и большой хитростью: ловко заставлял других вытаскивать для себя жар из печки²⁷.

²⁵ *Всероссийская художественно-промышленная выставка 1882 г.* состоялась в Москве в специально выстроенных павильонах на Ходынском поле.

²⁶ *Си-Айленд* (от англ. Sea-Island), – американский хлопчатник вида *Gossypium barbadense* (лат.), имеющий крупные коробочки, раскрывающиеся при созревании, в отличие от среднеазиатских видов, на четыре створки.

²⁷ Предки Лосева были ямщиками, занимавшимися перевозом чая из Китая в Москву, потом завели оптовую чайную торговлю, составив этим свое благосостояние; после того, как чайное дело начало падать, купили с двумя какими-то компаньонами Собинскую мануфактуру. Во главе этого дела стал Александр Лукич, один из даровитейших братьев семьи Лосевых, поставил его в блестящее положение. Об остальных его братьях не приходится говорить, так как они ничем не отличались от самых заурядных людей того времени, разве только один из них, Михаил Лукич, со званием инженера, представлял из себя некоторую величину. Александр Лукич, боясь, что он будет вмешиваться в дела Собинской мануфактуры, убедил его занять должность директора в Ярцевской мануфактуре, перешедшей Вере Александровне Хлудовой после смерти ее мужа Михаила Алексеевича Хлудова. Рекомендую своего брата на этот высокий пост, Александр Лукич убивал двух зайцев: устранял его из своего дела, зная, что он не может принести ему пользу, а скорее вред, а потом через него же может получать разные сведения, нужные ему для своей фабрики, с выборкой оттуда лучших покупателей. А.Л. Лосев двух своих компаньонов очень ловко выставил из Собинской мануфактуры. Несколько лет подряд не выдавал дивиденда, затрачивая весь доход от фабрики на ее увеличение и улучшение; из тех же доходов, которые все-таки оказывались, он усиленно списывал на машины и стройки фабричные, на должников, которые, по его мнению, были неблагонадежны. Компаньоны, видя такое ведение дела и предполагая, что оно будет продолжаться так все время, продали ему свои паи, радуясь, что

А.Л. Лосев был среднего роста, худой, с бледным лицом, с большим развитым лбом, со стальными серыми глазами, и в то время, когда он был кем-нибудь недоволен, на его глаза смотреть было неприятно, хотя, зная это, он потуплял их. Говорил тихим и как бы спокойным голосом, но чувствовалось, что внутри его клокочут страсти; принадлежал он к типу людей, про которых говорят: «Мягко стелет, да спать-то жестко!»

А.Л. Лосев был на Всероссийской выставке 1882 года одним из экспертов по хлопку, здесь он увидел из представленных Тарсиным и Лахтиным образцов, какой в Азии может родиться хлопок, и увидел в этом пользу для русских прядильщиков.

И он – хитроумный Улисс²⁸ – не задумался пойти в Товарищество с целью изучить хлопководство в Азии и постараться первому снять пенки с этого дела. Да притом сумел обойти Кудрина, убедив его принять плату за пай не деньгами, а чаем, оставшимся после ликвидации их чайного дела. Отправленный в отделение Средней Азии чай провалялся без движения много лет: кто его однажды купил на пробу, больше уже не требовал. Чай был продан после кончины Кудрина через несколько лет, с большой уступкой в цене.

А.Л. Лосев все-таки был одним из самых деятельных директоров правления, понятно, не считая Кудрина. Он бывал ежедневно в правлении, внимательно прочитывал письма, давал полезные советы, но он в те годы был слаб здоровьем и зачастую не являлся в правление, и мне приходилось ездить к нему в дом с бумагами; он принимал меня с обмотанными головой и шеей, и по всему было заметно, что он сильно страдал.

После выяснения результатов с чаем Н.П. Кудрин возненавидел его всей душой, хотя, встречаясь в правлении, они старались не показывать виду, что не любят друг друга.

Кудрин, оставаясь со мной наедине, называл его неприличным словом, уверяя, что он незаконнорожденный сын, так как все его братья ни по уму, ни по характеру не похожи на него.

Видя его больным, увязанным, он, бывало, скажет: «Долго не проживет – в чем только душа его держится!» Лосев же прожил долго и был здоровым и толстым человеком и скончался, как мне помнится, незадолго до Великой войны 14-го года, а Кудрин, здоровый с виду и крепкий, скончался через два года после предсказаний.

Второй член правления, Н.П. Рогожин, принужденный оставить должность директора в Товариществе С. Морозова, незадолго до открытия Товарищества «Н. Кудрин и К⁰», оставаясь без работы, узнал от своего сына Владимира Николаевича об образовании Товарищества «Н. Кудрин и К⁰», пожелал вступить в члены его правления, хотя ради только кворума, так как по своим знаниям хлопкового дела вряд ли мог считать себя полезным делу.

Рогожин не внес в дело ничего полезного, и по всему было заметно, что он смотрит на свою службу как на временную, предполагая перейти на какое-нибудь другое, более для него интересное и полезное место.

Приходил он в правление часов в 10, имея обыкновение, когда снимал пальто в передней, говорить артельщику: «Что это у вас дурно так пахнет, нужно проветривать, покурить чем-нибудь!» Молодые клерки, передразнивая его, понятно, после его ухода, говорили ту же фразу и его голосом²⁹.

хотя вернули деньги, внесенные ими при покупке. На следующий год после этой сделки оставшиеся в деле братья Лосевы получили дивиденда по сто процентов.

²⁸ Улисс – древнеримский вариант имени Одиссея, мифологического царя Итаки, славившегося своим умом, хитростью и отвагой.

²⁹ Про Рогожина рассказывали служащие Товарищества С. Морозова, как он попал директором туда. Будучи доверенным в петербургском отделении у С. Морозова, он приехал в Москву в правление с отчетом, в это время выбыл один из директоров С. Морозова и нужно было заменить его кем-нибудь. Тимофею Саввичу, озабоченному приисканием нужного лица из среды своих служащих, понадобилось пойти в уборную, где не оказалось мыла, кем-то украденного. Рассерженный этим обстоятельством, неоднократно повторяющимся, он при выходе встретил Н.П. Рогожина, которому и поручил провести дознание, кто ворует мыло. Рогожин принялся за дело энергично, произвел обстоятельное обследование, написал

Оставался он в правлении недолго и покидал его до следующего дня.

Скоро он был выбран в директора первого Московского общества взаимного кредита и покинул кудринское Товарищество навсегда.

Третий директор, Александр Александрович Найденов, вступил в правление только по просьбе его брата Николая Александровича; предполагаю, что это было сделано ради меня, чтобы дать возможность подучиться мне и он бы уступил мне свое место члена правления.

Александр Александрович в дело ровно ничего не внес, посещал правление редко и по своей мелочности замечал только что-нибудь смешное, которое рассказывал своим братьям и другим родственникам.

Доверенным фирмы был В.Н.Рогожин, сын Николая Павловича, ему было приблизительно около тридцати лет. Он был довольно красивый блондин, носил бородку, пенсне, имел коротенькие ножки и очень быстро ходил. Он почти весь день в конторе отсутствовал, посещая биржу, банки, покупателей, забегал в контору, чтобы подписать письма и записать сделки, им произведенные. Я могу предполагать, что Н.П.Кудрин не был им доволен, из слов его, однажды мне сказанных про Владимира Николаевича: «Быстро ходит ногами и тихо двигает мозгами».

Бухгалтером правления был Николаев, находившийся под полным влиянием Н.П. Кудрина, наводившего на него какой-то магический страх. С Николаевым я старался сойтись, чтобы получить от него первые знания по бухгалтерии, приглашал его к себе обедать. Он любил выпить и, когда выпьет, начинал говорить о Н.П. Кудрине; здесь-то я и мог увидеть то отношение, которое он питал к Кудрину. Однажды он мне сказал: «Я уйду из Товарищества и не буду испытывать того, что приходится переживать от Николая Павловича, и страха за свою ответственную работу». Но дальнейших объяснений своим словам он не дал и действительно оставил свою службу в Товариществе.

В первый месяц после начала функционирования Товарищества правление собиралось почти каждый день в определенные часы. На одном из первых собраний был поднят вопрос о выписке из Америки хлопковых семян для раздачи дехканам в Средней Азии. Лосева просили, чтобы он поручил это одному из своих знакомых представителей по продаже хлопка из Америки. Представитель, которому было поручено, послал в Америку письма нескольким фирмам с просьбой выслать вагон семян, но ото всех получил отказ исполнить это. Тогда принуждены были купить семена в Марселе у маслосточной фирмы, делающей из хлопковых семян масло, отправляемое в разные государства на консервные заводы под наименованием «прованского».

Семена были отправлены в Среднюю Азию. Оказались смешанными с египетскими семенами, но посеянный из них хлопок получился великолепным.

Полученные семена с большим трудом навязывались дехканам, с тем чтобы они раздавали их земледельцам, с обязательством Товарищества, что за хлопок, выращенный из этих семян, будет уплачиваться против рыночных цен на 10–20 копеек за пуд дороже, чем за посеянный из местных семян.

В этом же году то же было сделано Ярославской мануфактурой, производившей закупку в Средней Азии хлопка для своей фабрики.

Из этих двух партий семян началось сильное развитие посевов хлопка из американских семян, качеством значительно лучшего, чем настоящий американский. И те хозяева бумагопрядилен, которые смекнули об этом прежде всех, закупая его в большом количестве, нажили большие деньги.

Единовременно с выпиской семян начали выписывать машины (джинь³⁰) для очистки волокна от орешков, строить паровые хлопкоочистительные заводы с гидравлическими прессами. Раньше же хлопок-сырец очищался на простых ручных маленьких деревянных машинках, очень дробивших семена и много оставлявших на семечках волокна, и, понятно, требовалось большое количество людей для этой очистки.

Мои отношения с Н.П. Кудриным постепенно налаживались, он начал брать меня с собой на Биржу, водить по фабрикантам, посвящая меня в их слабости и странности, рассказывая об их характерах. Все эти сведения мне потом весьмагодились.

Выезжая в Оренбург, он сказал мне: «Советую вам приехать в Оренбург на некоторое время, следует посмотреть и познакомиться поближе с делами нашего Товарищества».

Глава 3

Я не преминул воспользоваться приглашением Кудрина и отправился в Оренбург. Поехал туда через Нижний по Волге до Самары, а потом по железной дороге.

Приехал в Нижний при проливном дожде, продолжавшемся целые сутки. Сел на паром общества «Самолет». На пароходе первого класса было только двое пассажиров – я и еще молодой человек, с которым я познакомился; он оказался сыном Сергея Владимировича Алексеева и доводился братом известному артисту Станиславскому. Ехал в Самару на кумыс, чувствовал себя всю дорогу больным, а потому большинство времени проводил в своей каюте. Потом мне вскоре пришлось узнать, что он скончался в Москве от чахотки³¹.

Я прямо умирал от скуки, не знал, что делать, чем заняться. Газет и книг не было, спать больше был не в состоянии; на пристанях, где останавливались, выйти не мог: дождь лил как из ведра; стоило только выйти на палубу, как дождь пронизывал тебя насквозь.

Наконец, на какой-то из маленьких пристаней сел в первый класс господин, по виду похожий на купца, промышленника или доверенного. С виду он был несимпатичен: угрюмый, молчаливый. И на все мои вопросы отвечал только «да» или «нет». Но томящая скука наконец и его заставила к вечеру заговорить, он спросил меня, не играю ли я в преферанс, я ответил, что играю. Лицо у него оживилось, сделалось приветливее, и он спросил меня: «Не сыграть ли нам?» Я согласился, но предупредил его, что играю по маленькой, по двадцатой. Он рассмеялся: «Да такая игра свеч не стоит!» Предложил сыграть по копейке. Я отказался. Начался торг, и наконец остановились на 1/4 копейки, за карты платить поровну. Две первые игры он проиграл, и мне показалось, что он плохо играет, но потом в последующих он и дал мне трепку. Начали создаваться такие игры, с такими комбинациями, которые обыкновенно бывают у играющих в жизни раз или два, у нас же они повторялись без перерыва. Я внимательно следил за его тасовкой карт, но им все проделывалось так чисто, что я заметить ничего не мог. Я решил, что он ловкий шулер, и сказал: «У меня болит голова, кончимте игру!» Он, рассерженный, со злыми глазами, почти закричал на меня: «Вы должны продолжать игру! Почему я должен половину платить за карты, когда вы не желаете продолжать?» Я ему ответил, что уплату за карты целиком принимаю на себя. Заплатил ему небольшой проигрыш и за карты 4 рубля, отправился спать, радуясь, что дешево отделался.

На другой день проснулся при полном солнечном сиянии. В рубке, на палубе первого класса было уже много народу, прибывшего за ночь.

Уже с раннего утра началась картежная игра, где я заметил и вчерашнего моего партнера; ко мне подходило несколько человек с предложением поиграть, но я видел теперь в

³⁰ Джина, джин (от англ. gin) – механическое устройство для очистки хлопка-сырца от семян и оболочек коробочек.

³¹ Речь идет о Павле Сергеевиче Алексееве, скончавшемся от туберкулеза на хуторе под Самарой в возрасте 13 лет. Похоронен в Москве на кладбище Алексеевского монастыря.

каждом человеке шулера и отказывался. Потом мне пришлось узнать, что шулера всегда собираются партиями и никогда в одиночку не ездят, и в настоящее время можно было думать, что на пароходе их было достаточное количество из числа прибывших за ночь.

Бывают дни в жизни, как бы ничем не отличающиеся от других дней, но некоторые минуты, пережитые в них, не забываются во всю жизнь и вспоминаются с наслаждением. Я не знаю, чем это можно объяснить. В душу входит какая-то сила, поднимает твой дух на невероятную высоту, поглощает тебя. Все окружающее радует и восхищает; душа наполняется благодарностью к неведомому Создателю всего видимого и переживаемого. Эти настроения бывают редки и не у всех, а потому для многих и не будут понятны.

Такое переживание случилось и со мной в это чудное бесподобное утро. Я наслаждался жизнью, гуляя по палубе, вдыхая чудный воздух, напоенный ароматами цветов; осматривал превосходную панораму, открывающуюся перед глазами: налево – берег с расстилающимися лугами, направо – гористая местность, покрытая лесом, с перемежающимися селами, церквями, колокольнями, деревнями и с пасущимися стадами скота. Ритмичное постукивание паровой машины парохода не раздражало, а, скорее, убаюкивало. После этой моей второй поездки по Волге возлюбил милую родную реку, как величают ее в народе, «старую столбовую дорогу русской торговли», а потому редки были года, когда я не путешествовал по ней, но такого настроения больше со мной не повторялось.

Оренбург как город не оставил у меня никакой памяти (помню, что стояла в то время большая жара, духота) и отличался сильной пылью.

Меновой двор, находящийся за пределом города, за рекой Уралом, произвел на меня сильное впечатление: большой участок земли, окруженный высокой каменной стеной, к которой примыкали каменные амбары. В них складывали азиатские купцы свои дорогие негромоздкие товары и сами в них жили, расстилая кошмы, на которых вповалку спали; в них же готовили себе еду из привозимой со своей родины провизии, чтобы не тратить деньги на ее покупку.

На громадной площади двора были сложены в бунтах хлопок, шерсть, кожа. Около этих товаров и амбаров сустились толпами купцы и их приказчики, одетые в разноцветные халаты, с разноцветными чалмами на головах, а у туркмен и хивинцев были надеты громадные папахи из овечьих шкур. В красивые азиатского стиля ворота, выходящие на дорогу в Азию, входили гордо, с важностью, покачивая в ту и другую сторону головами, верблюды, с надетыми у них на шее колокольчиками, с нагруженными на их спины двумя тюками с товарами. Впереди верблюдов на ишаке верхом ехал азиат-вожатый, с палкой с острым концом в руке, а в другой держал веревку, привязанную к первому верблюду через проткнутую носовую кость его, тем понуждая исполнять свою волю; следующий верблюд шел с такой же веревкой, но привязанной к хвосту первого верблюда, и так далее. Вся эта картина для меня была новая, интересная, и я долго не мог оторваться от нее, любясь всем видимым.

Н.П. Кудрин водил меня по всему двору, осматривал привозимые товары, заходил в амбары, знакомил меня с баями, имевшими дела с Товариществом.

Завтракали мы с ним в имеющемся на Меновом дворе трактире непрезентабельного вида как снаружи, так и внутри, но славившемся приготовлением пельменей, свежей рыбой и зернистой икрой, и все эти блюда были по очень дешевой цене.

Памятен мне этот трактир еще тем, что с нами рядом за столиком была совершена сделка в 8000 голов лошадей по 8 рублей за лошадь. Меня удивила как цена, так и количество: я не мог себе представить, что бывают такие большие продажи табунов.

Торговый амбар Товарищества помещался в центре города, размещался в двух этажах, в нижнем была торговля, а в верхнем кабинет Кудрина и контора. Амбар почти весь день был наполнен купцами, конечно, в большей части азиатами. Крупные купцы-баи заходили в кабинет Николая Павловича, с такой же церемонией здоровались; старшие и почетные

размещались на стульях, с завистью посматривая на младших, сидящих на корточках по стенам кабинета, но, не желая терять своей амбиции, сидели на стульях.

После того, как я пробыл в Оренбурге несколько дней, Кудрин мне сказал: «Доверенному Товариществу Василию Ивановичу Вошнину я поручил съездить в Илецкую Защиту³² по делу и, кроме того, заехать по пути к одному калмыцкому баю, только что перекочевавшему к Оренбургу, так не хотите ли поехать с ним вместе?» Я от такого предложения пришел в восхищение, с радостью согласился. В поданный легкий тарантас, запряженный тройкой резвых лошадей, поместились В.И. Вошнин, молодой приказчик и я.

Лошади легко подхватили экипаж, и мы помчались; быстро прокатили верст двадцать, после чего кучер-калмык свернул с дороги в сторону, и, проехав еще несколько верст, увидели много кибиток, расположенных вразбивку. Еще далеко находясь от них, заметили, что приезд наш всеми обитателями кибиток замечен; из всех кибиток выскакивали калмыки с женами, детьми, с лающими собаками и с любопытством осматривали нас.

Ямщик с удалством, подергивая тройку, подкатил к кибитке, более украшенной, чем другие.

Около открытой кошмы, изображающей дверь, стоял старый почтенный бай, окруженный всей своей семьей. После общепринятых приветствий и поздравлений с прибытием он пригласил нас войти в кибитку. Посреди большой кибитки стоял стол вершков шесть высоты, и он предложил нам сесть вокруг его на разостланных коврах и кошмах. На столе моментально появился дастархан³³ так называемое угощение, состоящее из хлебных лепешек, фисташек, миндаля, изюма и конфет, приготовленных на бараньем сале, и все эти угощения лежали на медном подносе.

Мне впервые пришлось сидеть на корточках, и я чувствовал себя скверно, у меня ломило ноги. В это время Вошнин и бай говорили по-татарски про дела, уладившиеся скоро к благополучию обеих сторон. После чего бай сказал что-то жене, сидящей позади его. Та встала, взяла деревянную миску, какие обыкновенно употребляются в деревнях для хлеба, вытерла ее тряпкой, поднятой с пола, грязной и черной, как сажа, после чего начала наполнять кумысом из стоящего здесь же ушата, покрытого старым рваным халатом. Наполненную миску подала мужу. Он берет фарфоровую пиалу китайской работы, из которой обыкновенно пьют чай, зачерпывает кумыс из деревянной миски, пьет сам, потом подает В.И. Вошнину, который тоже пьет, и потом передает мне. Я говорю Вошнину: «Пить не могу, от кумыса мне делается тошно». Вошнин, испуганный моим заявлением, умоляющим голосом просит: «Пожалуйста, выпейте, хотя бы только пригубьте; если этого не сделаете, то для хозяина-бая будет большая обида и он будет до конца своей жизни нашим врагом, а между тем он для нашего дела полезен». Я взял себя в руки, употребил всю силу воли и проглотил несколько глотков, и, слава Богу, без всяких последствий.

Скоро мы с ним распрощались, провожаемые целой толпой обитателей всех палаток, чрезвычайно довольных неожиданной тамашой³⁴, доставившей им большое удовольствие.

Отъехавши верст десять, наш ямщик-калмык, повернувшись лицом к нам, взволнованным гортанным голосом начал говорить что-то Вошнину, указывая кнутом вдаль. Вошнин встал в тарантасе, приложил ладонь к глазам и устремил взгляд на место, указываемое ямщиком.

Я стал тоже смотреть туда, вижу скачущего лихого наездника на отличнейшей лошади на довольно большом расстоянии от нас и делающего круг, за ним скакал второй, третий

³² *Илецкая Защита* (Илецк) – название до 1945 г. современного гор. Соль-Илецка, основанного в XVII в. как крепость. С 1865 г. – город в Оренбургской губ.

³³ *Дастархан* (перс.) – угощение из разных восточных сладостей.

³⁴ *Тамаша* – в Средней Азии – развлечение, народное зрелище, сопровождаемое пением и танцами.

и четвертый, и с каждым кругом уменьшался их радиус от нас: они, несомненно, приближались к тройке. Вошинин и молодой приказчик, было видно, сильно взволновались. Вошинин, вынув револьвер, закричал что-то ямщику, стегнувшему сильно лошадей кнутом, понесших нас быстро. Наездники, сделав несколько кругов, были сравнительно близки от нас, вдруг разлетелись в разные стороны и исчезли с глаз.

Вошинин снял шапку, перекрестился и, обращаясь ко мне, сказал: «Так обыкновенно нападают барантчи (разбойники), и недавно было такое нападение с убийством и ограблением. Вот почему я так испугался!»

Недалеко от Илецкой Защиты заехали на соляные промыслы, производимые оренбургскими купцами во главе с оренбургским головой Назаровым. Разработка шла первобытным способом: снимался пласт земли, под которым лежал слой превосходной белой соли большой глубины. Соль разбивали, укладывали на возы, отправляя в Оренбург. Там рассказывали, что таковая разработка соли производится последний год, так как правительство в дальнейшем отдало им право на разработку с условием, что они устроят выемку соли через шахты и штольни. Я там приобрел несколько замечательных, сделанных из соли вещей.

Глава 4

Вернувшись из Оренбурга в Москву, мне пришлось недолго оставаться в ней по случаю открытия Нижегородской ярмарки, куда меня направил Н.П. Кудрин. Описывать ярмарочные впечатления здесь не буду, оставляя на позднейшее время, чтобы обо всех годах, проведенных там, сказать в одном месте.

Она осталась у меня в памяти тем, что по неопытности доверенного В.Н. Рогожина Товарищество потеряло 40 тысяч рублей.

В конце ярмарки Н.П. Кудрин уехал в Москву, поручив закончить дела на ярмарке Рогожину.

Горовиц, один из крупных представителей заграничной лейпцигской фирмы, купил в Товариществе каракуля на 40 тысяч рублей, сказав, что деньги внесет дня через два-три, по получении их из-за границы, что делалось им и в предыдущие годы, и он аккуратно оплачивал.

В.Н. Рогожин имел обыкновение ездить на вокзал к отходу курьерского поезда, где он обедал, а в свою очередь мог видеть всех отъезжающих. После продажи Горовицу он отправился на вокзал и видит его отъезжающим в Москву, не учинив расчета за последнюю покупку в 40 тысяч рублей.

По ярмарочным правилам, купец, не окончивший расчета за товар, может быть задержан полицией на ярмарке вплоть до расчета.

В.Н. Рогожин подошел к Горовицу и спросил: «Как, вы уезжаете, не заплатив Товариществу сорок тысяч рублей?» Смущенный Горовиц, отозвав Рогожина в сторону, сказал: «Мой доверитель по ошибке перевел деньги вместо ярмарки в Москву, за ними я туда и еду. Как их получу, вам сейчас же переведу, потому прошу вас не беспокоиться. Но, может быть, вам нужны деньги, то я могу вам выдать вексель на эту сумму по предъявлению, тогда вам беспокоиться совершенно не придется».

Рогожин так и поступил, поехали оба в контору, Горовиц подписал векселя на 40 тысяч рублей по предъявлению, Рогожин проводил его на вокзал, усадил в вагон, и они дружески простились. С этого момента почтенный Горовиц, много лет ездивший на ярмарку, «канул, как камень в море».

Скупка хлопка в Азии начиналась приблизительно в сентябре, с каждым дальнейшим месяцем увеличиваясь. Кудрин до утверждения Товарищества стремился развивать комиссионное дело и покупал наличный хлопок в Оренбурге, так как для скупки хлопка в Азии не

имел нужных средств. С учреждением Товарищества началась скупка хлопка по всем городам, где были конторы Товарищества, но для скупки хлопка всегда требовалось много денег. А.Л. Лосев учел это положение, предложив Кудрину: «Я бы мог Товариществу помочь, внося известную сумму на покупку, но с тем, что хлопок, купленный на эти деньги, поступает ко мне, за труды ваши уплачиваю установленный по соглашению процент комиссии; все расходы, как-то: очистка хлопка от орешков, прессовка, тара, провоз – ставятся мне в счет по действительной произведенной затрате. И Товариществу это будет очень выгодно!»

Кудрин с радостью ухватился за его предложение, и дело началось, постепенно увеличиваясь.

А.Л. Лосев, руководствуясь сообщениями Кудрина о ценах на сырец на рынках в Средней Азии, выходе из него волокна и принимая в соображение другие расходы, увидел, что польза от покупки будет немаленькая. Но он не доверял Кудрину, зная, что он не постесняется – в отместку за его чай – сделать так, что значительная часть ожидаемой пользы не попадет к нему в карман. И эти мысли Лосева угнетали, и он старался найти способ получить твердые данные, которые бы дали в будущем возможность оспаривать цифры, поставленные в его счета.

Ему это удастся благодаря отъезду Кудрина в Оренбург.

В правлении – незадолго до окончания работ – оставалось только двое, я и Владимир Николаевич, подписывающий последние письма к отправке по назначению, вдруг открывается дверь и является Александр Лукич с веселым и радостным лицом и говорит: «Вот, как вы поздно занимаетесь! Я не предполагал кого-нибудь застать! Случайно был у своего знакомого в Троицкой гостинице, думаю: отчего не зайти? Делает вам честь, что вы так работаете». Подсаживается к столу Рогожина, достает портсигар, закуривает и предлагает Рогожину, говоря: «Табак чудный, высылаю мне мой знакомый крымский табаковод». Любовно поглядывая на В.Н. Рогожина, он начинает его расспрашивать о делах в Азии: как идут там закупки, по какой цене, почем обходится очистка сырца, прессовка, провоз.

Рогожин, не желая уронить себя в глазах директора, сообщает все то, что слышал от Н.П. Кудрина, не сообразивши, что сведения эти лишь только ориентировочные, точных же отчетных цифр из азиатских контор не имеется. Лосев делает изумленное лицо и говорит: «Вы счастливее, у вас хорошая память, а я вот сейчас слышу, стоит мне выйти из конторы, все и забуду! Видно, что вы в будущем будете большим дельцом!»

В.Н. Рогожин, получая от него такие приятные реплики, выбивается из сил, чтобы всеми своими сведениями поразить Лосева; глаза у него разгорелись, лицо покраснело, как говорят – «ушки поехали на макушку», и это его положение можно было сравнить с крыловской вороной с сыром в клюве, заслушавшейся лестью лисы. Лосев подбавил ему еще разных комплиментов, тем усиливая настроение расходившегося Владимира Николаевича.

Из находящихся на столе чистых листов почтовой бумаги с бланком Товарищества Александр Лукич один пододвигает к Рогожину, мило улыбаясь, говоря: «Пожалуйста, напишите мне все это, а то я, как уйду от вас, все забуду: уже стал стареть, мне память изменяет». Рогожин почти все под диктовку Лосева записывает на бумаге, не пропуская своим вниманием ни одного слова.

Когда все это было написано, Лосев взял письмо, еще внимательно просмотрел, улыбнулся Рогожину и сказал: «Ну, вот теперь хорошо!.. Я буду помнить. Ах, да, впрочем, подпишите его и поставьте число и месяц, а то когда понадобится посмотреть это письмо, и не будешь знать, от кого оно». Рогожин исполнил его просьбу – подписал. Это письмо в дальнейшем повлекло к большим последствиям, дав убытку Товариществу несколько десятков тысяч рублей.

Из азиатских контор начали поступать счета на хлопок. Бухгалтерия правления, руководствуясь ими, выписала счета для Собинской мануфактуры, откуда они вернулись обратно

с письмом, подписанным А.Л. Лосевым, с извещением, что счета не соответствуют действительным сведениям имеющегося у него документа от Товарищества за подписью В.Н. Рогожина.

По этому поводу было собрание правления, на котором присутствовал А.Л. Лосев, доставивший письмо Рогожина. Кудрин, прочитав его, возмущенным голосом сказал: «Эту записку, подписанную Рогожиным, можно рассматривать как ориентировочную, в ней написано все, что я вам лично говорил, и я указывал, что цены могут измениться». Вызванный Рогожин подтвердил слова Кудрина, уверяя, что давал Лосеву сведения только приближенные.

Лосев, смотря на Кудрина своими стальными, злыми глазами, ответил: «Меня удивляет, что доверенный фирмы дает письма со своей подписью, на бланке Товарищества, с какими-то фантастическими сведениями. Я привык иметь дело с фирмами, имеющими солидных доверенных, и смотреть на их письма как на что-то серьезное, а не как на лепет ребенка, не знающего, что он делает».

В конечном результате Лосев добился скидки.

Вскоре после этого В.Н. Рогожин, видя к себе неприязненное отношение Н.П. Кудрина, оставил службу в Товариществе, и все его обязанности перешли ко мне³⁵.

Мне пришлось принять от Владимира Николаевича Рогожина кассу, в которой находилось на несколько десятков тысяч рублей купонов вышедших и невышедших³⁶. Все вышедшие купоны я подсчитал и отправил в банк на текущий счет. Вечером, перед окончанием занятия, подсчитав кассу, увидел просчет в 1000 рублей. Это меня сильно взволновало. По произведенному розыску оказалось, что артельщик, которому я поручил снести в банк купоны, присвоил себе 1000 рублей, врученных ему обратно кассиром банка, как оказавшиеся лишними. Он же мне их не вернул. Раскрытый таким образом недочет меня весьма обрадовал; явившийся ко мне на квартиру артельщик повалился в ноги, прося его не губить; я его простил, только уволил со службы, но дал себе слово, что в продолжение всей моей жизни кассовые дела вести не буду³⁷.

После ухода В.Н. Рогожина пришлось подписывать все письма, вести переговоры с покупателями, посещать их, наблюдать за кредитом покупателей, определяя их кредитоспособность, и вообще на моих плечах оказался весь внутренний распорядок по конторе. Дела оказалось много, но я не страшился и даже радовался.

Особенно мне приходилось трудно, когда Н.П. Кудрин жил в Оренбурге, а А.Л. Лосев серьезно захворал и даже не принимал никого по делам у себя в доме. От Кудрина я ежедневно получал письма, написанные на четырех и пяти страницах, и зачастую было по два, по три письма в день; одно из них он адресовал на имя правления, а другое – на мое.

Однажды, придя с Биржи в контору – в то время собрания Биржи бывали от 4 до 5 часов вечера, – я углубился в перечитывание последних писем Кудрина, чтобы не пропустить чего-либо по его запросам. Вдруг от неожиданности я вздрогнул – от голоса Лосева, стоящего перед моим столом: «Здравствуйте, Николай Александрович, наконец мне доктора

³⁵ Н.А. Варенцов не упоминает о научной и собирательской деятельности В.Н. Рогожина, ставшего впоследствии известным библиографом и историком-архивистом, членом многих научных обществ. В 1909 г. ценная библиотека В.Н. Рогожина поступила по его завещанию в Российский Исторический музей. См.: [Некролог В.Н. Рогожина] // Новое время. 1909. 10 октября; «И за строкой воспоминаний большая жизнь...»: Мемуары, дневники, письма: К 125-летию Государственного Исторического музея. М., 1997. С. 61, 72.

³⁶ *Купоны вышедшие и невышедшие* – отрезные талоны ценных бумаг (акций и облигаций), предъявляемые для получения процента или дивиденда при объявлении (выходе) срока их погашения.

³⁷ Когда мне пришлось познакомиться со Львом Николаевичем Толстым, его жена Софья Андреевна очень просила меня принять должность казначея в ее благотворительном учреждении, где она была председателем. Я при всем моем желании оказать ей эту услугу принужден был отказать в ее просьбе, благодаря чему у нас произошло охлаждение в отношениях.

разрешили выйти! Вы читаете письма от Николая Павловича? Дайте мне их прочесть, что он там пишет?»

У меня вся кровь бросилась в голову, лицо вспыхнуло, как красный мак... я не знал, что делать, как быть. В этом письме на имя правления Н.П. Кудрин между деловых изложений позволил себе ругательно ругать А.Л. Лосева, уверяя, что он скоро подохнет и туда ему дорога; все эти и другие вставки, касающиеся Лосева, были крайне циничны и непристойны. Предполагаю, что Кудрин писал о Лосеве в письме к правлению, зная, что он не бывает в правлении из-за болезни, о чем я ему своевременно сообщал.

Я был поставлен в весьма неприятное положение требованием Александра Лукича дать ему прочесть письма. Если бы я дал ему прочесть, то, несомненно, получился бы большой конфликт: Лосев оставил бы должность директора, но весьма было бы нежелательно потерять такого умного и полезного человека в деле.

Я, еще более краснея, потупив глаза, ответил ему: «Позвольте мне прочесть письмо вслух, так как в этом письме имеются личные дела, касающиеся только меня; все, что касается меня, я выпущу, а что касается дела, я вам прочту».

Лосев посмотрел на меня своими злыми, стальными глазами и тихим, шипящим голосом проговорил: «Странно, в деловых письмах о личных делах писать не допускается!» Сухо простился и вышел из комнаты. Этот мой поступок Лосев не мог простить всю жизнь, хотя с виду был любезен и официально корректен. И имею основание предполагать, что он в одном деле, интересном для меня, повредил.

А.Л. Лосев и некоторые другие пайщики неоднократно указывали Кудрину на необходимость ему побывать в Азии, лицу, стоящему во главе дела и ни разу не побывавшему там. Кудрину ехать не хотелось, но замечания пайщиков он считал основательными, и ему пришлось поехать. Вся его поездка по Средней Азии продолжалась месяца три с чем-то. Срок весьма короткий для такой поездки, когда пришлось ехать на лошадях от Оренбурга до Ташкента, проехать всю Сырдарьинскую область, Фергану, бухарские владения и Туркмению до Асхабада.

Вернувшись оттуда, он был еще более очарован Азией и предстоящей ей будущностью. Почти во всех городах, где он останавливался, накупил недвижимостей для контор, амбаров и хлопкоочистительных заводов.

В Ташкенте познакомился с великим князем Николаем Константиновичем, сосланным туда государем за покражу фамильного бриллиантового кольца у своей матери. Великий князь всучил ему какую-то свою недвижимость стоимостью в 75 тысяч рублей, от которой правление потом не знало как отделаться.

В Бухаре был принят эмиром³⁸, одарившим его разными подарками и, кроме того, подарившим 1000 десятин необработанной земли при впадении в Амударью какой-то горной речки (земля находилась в сорока верстах от города Чарджуя), но с условием, что она должна быть орошена в течение известных лет. Кудрин оценивал стоимость этой земли в миллион рублей.

Первое общее собрание пайщиков после возвращения из Средней Азии Кудрина отличалось многолюдством. На нем присутствовали почти все пайщики; всем была охота послушать Николая Павловича об этом малознакомом крае и о предполагаемом развитии там дел Товарищества.

Кудрин был в особом ударе, он превзошел себя. Все присутствующие с большим вниманием и напряженностью ему внимали, боясь пропустить слово. Описывая край с его богат-

³⁸ Эмир Бухары – административный глава и духовный вождь (халиф) мусульман вассального России Бухарского ханства (эмирата). Обладал неограниченной властью во внутреннем управлении страной (на основе шарииата и адатного (обычного) права), но не мог иметь самостоятельных сношений с другими государствами. С 1885 по 1910 г. эмиром Бухары был Сеид-Абдул-Ахад-хан.

ствами, он как бы затрагивал в душах присутствующих слабую струнку купечества – алчность. Он говорил: громадные количества пустопорожней земли, с лёссовым наслоением в несколько саженей глубины, ждут только орошения из протекающей многоводной реки Сыр-дарьи, чтобы превратить эти земли в рай земной. Ему приходилось проезжать по этой земле, называемой Голодной степью, в первые теплые дни после зимы, когда земля была напоена влагой. Степь ожила: наполнилась чудной растительностью, пахучими красивыми цветами, с массой птиц, животных и насекомых. Воздух наполнился благоуханием и пением, все ожило и радовалось. Но продолжалось это чудо короткое время. Жгучее солнце скоро отняло у земли зимнюю влагу, и все поблекло и умерло до следующего года. Если оросить Голодную степь, то на ней можно посеять столько хлопка, что не только он удовлетворит нашу промышленность, но еще можно будет вывозить хлопок за границу. Кроме хлопка Средняя Азия может дать громадное количество сырца шелка, каракуля, кожи, шерсти, сала и разных минералов, признаки которых везде имеются.

Его рассказ об Азии продолжался довольно долго, и его увлечение передалось присутствующим, которые слушали, затаив дыхание, и по окончании его благодарили за понесенные им труды.

Недоброжелатели Кудрина, Лосев и Колесников, старались вставлять свои едкие замечания по поводу особого его увлечения, но успеха среди других пайщиков не имели, и они замолкли.

После собрания состоялся ужин в ресторане «Континенталь»³⁹ с тостами и речами, даже один из выдающихся купцов проплясал «Камаринскую» на столе.

Общим собранием пайщиков все его приобретения в Азии были одобрены и утверждены. На другой день после общего собрания пайщиков в правлении дело закипело: начались проектирование построек домов, заводов, набор служащих. Старший персонал был приглашаем Н.П. Кудриным, мне же был поручен наем служащих на мелкие должности, таковых было весьма трудно находить, так как в то время желающих ехать туда было мало.

Кудрин понимал, что найти опытных и хороших агрономов для работы на земле, подаренной Товариществу эмиром, было чрезвычайно трудно. Кто согласится ехать в глушь, с изобилием хищников, тигров, рысей, кабанов и других тому подобных, с ближайшим расстоянием от жилья в сорок верст? Ему пришла мысль найти среди молодежи, оканчивающей в этом году курс в Петровской земледельческой академии⁴⁰, находящейся близ Москвы в местечке Петровско-Разумовское. Куда он и поехал, предложив мне с ним прокатиться вместе.

В то время в академии был директор г-н Юнг⁴¹, известный тем, что по профессии был глазным врачом, а по протекции попал в директора высшего агрономического заведения. К нему Н.П. Кудрин и направился. Г-н Юнг принял нас довольно сухо и, когда отрекомендовались, указал на стулья, но руки не протянул.

Николай Павлович изложил ему цель нашего посещения, с указанием значения в будущем этого дела для государства. Причем когда он все это говорил, то не стеснялся величать его «Вашим Высокопревосходительством». Я пристально смотрел в лицо директора, предполагая, что таковое неподобающее ему титулование не будет ему приятно, но, к моему удивлению, лицо Юнга сделалось гораздо любезнее и он посматривал на нас с большим доброжелательством. Выразил полное согласие приискать между оканчивающих студентов

³⁹ Ресторан «Континенталь» размещался в доме № 5 на Театральной площади в Москве (здание не сохранилось).

⁴⁰ Петровская земледельческая и лесная академия была основана в 1865 г. Московским обществом сельских хозяев, с 1873 г. стала государственным учреждением. В 1894 г. преобразована в Московский сельскохозяйственный институт, ныне Тимирязевская сельскохозяйственная академия.

⁴¹ Правильно – Юнге.

достойных людей, готовых поработать ради идеи. Проводил нас до передней и на прощание крепко жал нам руки.

Едучи обратно в Москву, я сказал Кудрину: «Я думал, что директор на вас обидится: вы его высоко титуловали!» – «Нет, – ответил Кудрин, – чиновники на это не обижаются, они об этом мечтают!»

Присланные агрономы оказались лучше, чем мы могли ожидать (один из них имел диплом доктора и диплом агронома), и ехали в Среднюю Азию с большим удовольствием и увлечением.

Среди молодежи, приглашаемой мною на должности конторщиков, приемщиков, был взят Голиков, лет ему было двадцать с чем-нибудь, довольно высокого роста, с прыщавым лицом, красным носом, с плохим серым цветом лица, – словом, красотой не блистал!

Через несколько дней после его отъезда в Оренбург получили письмо оттуда из конторы, в котором доверенный сообщает, что еще Голиков не приехал в Оренбург, как местный полицмейстер⁴² вызвал внезапно его к себе и строго приказал: как только явится Голиков в контору за деньгами для дальнейшего путешествия в Азию, то немедленно его препроводить к нему, что было исполнено. Оказалось, что этот молодой человек увлек с собой молодую красивую барышню, дочку известного биржевого маклера Петра Гавриловича Кречетова. Роман у них начался с какого-то любительского спектакля. Барышню эту я знал по даче, где мы жили рядом с ними. Она была красивая брюнетка, с великолепным цветом лица, хорошо сложенная, и только можно было удивляться, как она могла влюбиться в этого «глиста», как он был назван кем-то по уходе его из правления с подписанным договором. Огорченный отец, узнав об их отъезде в Азию, обратился к московскому обер-полицмейстеру⁴³ с просьбой задержать его дочку в Оренбурге, с возвращением обратно в Москву.

Какие меры были приняты оренбургским полицмейстером с целью разъединить влюбленных, мне неизвестно, но Голиков уехал в Азию, а она в Москву. Но это событие произвело между скромными провинциальными тружениками оренбургской конторы большую сенсацию.

Глава 5

Вскоре после общего собрания пайщиков Н.П. Кудрин собрался ехать в Петербург для передачи письма от великого князя Николая Константиновича его матери великой княгине Марии Павловне, врученного ему великим князем с поручением передать лично в руки матери. Все письма великого князя проходили через руки генерал-губернатора⁴⁴, прочитывались, а ему было нужно ей написать, чтобы все осталось между ними, не попадая в цензуру. Г.К. Гофмейстер взялся сопровождать Кудрина в Петербурге, так как отлично понимал, что добраться Кудрина к великой княгине без солидной протекции не придется. Гофмейстер познакомил Кудрина с Долгоруковым и, как я уже писал, с Воронцовым-Дашковым, а через них и со всей царской семьей, после чего ему доставить письма к великой княгине Марии Павловне не было трудно.

Эта первая поездка Кудрина в Петербург была очень долгая; вернувшись в Москву, где пробыл несколько дней, он опять уехал в Петербург. По случаю его долгих отлучек все текущее дело легло на мои плечи, и мне пришлось окунуться в дела с головой.

Продажей хлопка занимался я, но для продажи других товаров, как-то: шелка-сырца, сырняка, шерсти, кожи, каракуля – был бухарец Хусейн Шагазиев. Ему было лет около пяти-

⁴² Полицмейстером в Оренбурге был тогда Николай Васильевич Одинцов.

⁴³ Этот пост занимал в то время Евгений Корнильевич Юрковский.

⁴⁴ Туркестанским генерал-губернатором с 1884 по 1889 г. был Николай Оттонович Розенбах.

десяти, роста был небольшого, имел выпуклый упрямый лоб, с жидкой растительностью на лице, скуласт. Одевался по-европейски, на голове носил чапашку⁴⁵. Вид у него был щеголеватый: в галстук булавка с большим бриллиантом, на указательном пальце перстень с таким же бриллиантом, на жилете висела толстая золотая цепочка с брелоками. По-русски говорил довольно хорошо, с небольшим акцентом. Был о себе большого мнения и не любил, когда ему в его делах приходилось делать замечания, даже в очень мягкой форме. Когда был доверенным В.Н. Рогожин, мне неоднократно приходилось слышать, как Шагазиев на него покрикивал и ни во что его не ставил. Происходило это оттого, что он считался лучшим специалистом по каракулю и ему бухарцы чрезвычайно доверяли и его любили. Когда малокультурный азиат почувствует, что его считают необходимым лицом в деле, то с таковым весьма трудно иметь дела и неприятно: он делается как лошадь без узды.

Когда Шагазиев попал первый раз в Москву, то кто-то вздумал свести его на балет в Большой театр. Это зрелище его ошеломило, как он мне сам рассказывал: сотни красивых полураздетых женщин, изящно танцующих под аккомпанемент чудной музыки, поражающий блеск от освещения, от нарядных дам, с угнетающим запахом духов. Все это вскружило ему голову, он схватил ее руками, предполагая, что сошел с ума: ведь это чистая иллюзия магометанского рая с гуриями⁴⁶! Этот спектакль решил его участь. Он бросил Бухару, семью и навсегда поселился в Москве. Сначала занимался маленьким комиссионерством, водя своих соотечественников по фабрикантам в качестве переводчика, потом начал продавать каракуль, научился в нем разбираться и наконец попал к Кудрину в приказчики с жалованьем 6 тысяч рублей в год.

Тратил большие деньги на женщин, имел красивых и нарядных жен-дам.

Однажды он пригласил меня обедать. Хозяйка была молодая, красивая, усыпанная дорогими бриллиантами, держала себя скромно и солидно. Было заметно, что она на него имела большое влияние и он ей ни в чем не отказывал. Не прошло после этого обеда месяца, как мне пришлось услыхать: Шагазиев по каким-то своим делам должен был уехать из Москвы на несколько дней, во время его отсутствия жена его покинула, увезя всю обстановку и все бриллианты. Сначала он убивался, но скоро утешился другой, такой же красивой и молодой.

Ведя такую жизнь, нужно было иметь много денег, а потому получаемое жалованье и другие его заработки навряд ли могли покрыть эти траты на красивых дам. Естественно, я начал вникать в его дела с особой внимательностью, но делал это с крайней осторожностью из-за боязни ухода его из Товарищества: другого опытного продавца было трудно найти; знал, что Кудрин им дорожит.

Как-то разговаривая с Кудриным, я ему высказал по этому поводу свои сомнения относительно Шагазиева, на что он мне ответил: «Дорожить Шагазиевым не следует, а потому не считайтесь с ним особенно; он желает открыть свою торговлю и ведет переговоры с Шимко и Зыбиным». Эти слова Николая Павловича развязали мне руки для более самостоятельного действия.

Сезон с товарами, находящимися под заведованием Шагазиева, кончился, вследствие чего у меня с ним и не могли быть особые недоразумения, но я принял со своей стороны некоторые меры, чтобы по возможности изучить товары и поближе познакомиться с покупателями, для чего взял за правило по возможности чаще посещать амбар, где складывался товар и происходила продажа. Мои частые посещения не особенно были приятны Шагазиеву, он относился ко мне в довольно небрежном тоне, стараясь по возможности игнорировать меня. С весны 1888 года начал подходить в большом количестве хлопок-сырец. Имев-

⁴⁵ Чапашка – круглая шапочка из ткани, наподобие ермолки или тюбетейки.

⁴⁶ Гурии – девы, услаждающие, согласно Корану, мусульман-праведников в раю.

шийся амбар, больших размеров, на Ильинке в Старом Гостином дворе⁴⁷ был переполнен сверху донизу, пришлось снять другой такой же рядом, и он быстро наполнился шелком. В начале прихода шелка цена ему стояла 400 рублей с чем-то за пуд, но, ежедневно понижаясь, дошла наконец до 100 рублей.

Даже мне – неопытному и мало сведущему в торговле – бросалась в глаза такая ненормальность и неумение (а вернее – желание повредить Товариществу) со стороны Шагазиева избежать такого быстрого понижения цены. Покупатели, видя громадный приход шелка, не спешили им запастись, предпочитая покупать ежедневно небольшими партиями, в размере дневной их потребности, причем ежедневно выторговывая по пяти и десяти рублей в пуде.

Я заметил Шагазиеву, что продавать шелк по такой убыточной цене невозможно, нужно для этого принять какие-нибудь меры. И это мое замечание уже довело его до белого каления; он покраснел, с пеной у рта начал уверять меня, что ему, опытному и почтенному продавцу, не приходится учиться у молодых людей, еще ничему не научившихся, что замечания мои его оскорбляют и он уходит из Товарищества; предполагаю, что он выбрал время для ухода из Товарищества самое удобное для себя, так как это случилось вскоре после кончины Н.П. Кудрина и будучи уверен, что я не справлюсь с делом. К Шагазиеву мне придется в будущем еще вернуться в дальнейших моих воспоминаниях.

Помощником у Шагазиева был молодой татарин Мухамед-Амин Кашаев, как его называли «малайка», в переводе на русский – слуга, приказчик. Кашаев мне нравился, имел открытое, честное лицо, выглядел интеллигентным человеком, хотя был почти без образования; он при Шагазиеве работал два года, а потому я был уверен, что он в это время мог изучить дело, присутствуя с утра до вечера в амбаре. Я его и поставил вместо Шагазиева, приказав ему съездить в Кокоревское подворье⁴⁸ и снять там амбары, после чего ежедневно по окончании торговли и запоре нашими соседями своих амбаров перевозить в «Кокоревку» ежедневно по пяти – десяти кип шелка, причем строго-настрого приказал Кашаеву и артельщику Лебедеву никому о таком перемещении не передавать, даже нашему бухгалтеру, а говорить, если кто будет расспрашивать, что шелк продается, а потому и убавляется.

Когда конкурс осуществился, жена его выпроводила его из своего дома, сошлась с каким-то доктором и зажила на доходы с домов и капитала. Федотов, оскорбленный, разоренный, чтобы существовать, заделался биржевым «зайцем» и занимался комиссионерством, захаживал ко мне с разными предложениями. Однажды, во время такого прихода, он, бледный, с блуждающими от волнения глазами, войдя ко мне, сел на стул, схватив себя за голову, упал на стол и зарыдал. Рыдания его – я чувствовал всей душой – были искренние, а не лукавые, как приходилось ему проделывать раньше для получения каких-либо выгод; он действительно страдал. Вода и валерьяновые капли привели его к более спокойному состоянию, он извинился за причиненное беспокойство и рассказал: «Вам известно, что я лишился всего состояния, любимого дела, покинутый женой, но это, как ни больно было для меня, я перенес. У меня была единственная дочка, которая была для меня дороже всего. Выдавая замуж, наградила ее пятьюдесятью тысячами рублей, столько же дал ей бриллиантов и приданого; когда бы она ни приходила бы ко мне, я всегда дарил что-нибудь, спрашивал ее: «Не нужно ли чего тебе?» Она для меня была радость и любовь, я жил для нее, и она была для меня все! Идя к вам у Ильинских ворот, я вижу ее идущую мне навстречу. Можете представить мою неожиданную радость! Я спешу к ней... она же, увидав меня, повернула в сторону, сделав вид, что не желает со мной говорить. Это было уже сверх сил моих!» Вскоре после этого случая он скончался.

⁴⁷ Старый Гостиный двор на ул. Ильинке был сооружен в 1791–1805 гг., перестраивался в 1830 г. Крупнейший торговый центр Москвы в XIX в.

⁴⁸ Кокоревское подворье, «Кокоревка» – гостинично-складской комплекс на Софийской набережной в Москве, построенный на средства В.А. Кокорева в 1862–1865 гг.

Было все хорошо и точно исполнено; покупатели, видя уменьшение количества шелка, начали покупать в большом количестве, а я же с каждым днем прибавлял цену и довел ее опять почти до 400 рублей.

Глава 6

По случаю продолжительных отсутствий из Москвы Н.П. Кудрина мне пришлось ежедневно посещать наших покупателей – фабрикантов-прядильщиков; из них у меня осталось особенно в памяти Товарищество Каретниковых, старая и богатая фирма, во главе которой в то время стояли двое братьев, сравнительно еще молодых людей, Иван и Степан Васильевичи Каретниковы, с высшим образованием. Они мало занимались своим делом, поручив ведение его доверенным; одно это не могло служить к преуспеванию Товарищества, и оно постепенно регрессировало. В свою лавку директора приезжали поздно и оставались там мало времени; мне однажды по какому-то делу на Нижегородской ярмарке было необходимо их видеть, и один из их артельщиков, расположенный ко мне, посоветовал: «Приходите в три часа, они в это время только пьют утренний кофе». Действительно, я в это время их застал. Между тем работа на ярмарке начиналась рано, и, когда начинало темнеть, работа руководителей дела кончалась.

Мне рассказывал Н.П. Кудрин интересный случай, бывший с ним во время его молодости, когда он работал у своего первого хозяина в Оренбурге, принужденного уехать куда-то далеко по делам, поручив Кудрину во время его отсутствия управлять делом. В это время получается от Каретникова, отца нынешних директоров⁴⁹, телеграмма с поручением купить 5 тысяч кип хлопка, с переводом для этого несколько десятков тысяч рублей. Кудрин немедленно приступил к исполнению его поручения и купил 5 тысяч кип хлопка, приблизительно 40 тысяч пудов, после чего ему телеграфировал: «5 тысяч кип хлопка купил, переведите немедленно остальные деньги для расчета». От Каретникова получил ответ: «Поручил купить 5 тысяч пудов, почему купили 5 тысяч кип?» Кудрин снял копию с его телеграммы, засвидетельствовал ее у нотариуса и послал почтой, уведомив его об этом телеграммой; как оказалось, это случилось по оплошности телеграфа.

Этот случай произошел как раз по объявлении англичанами блокады берегов Америки, во время войны Северо-Американских штатов⁵⁰. Начавшаяся блокада сильно подняла цены на хлопок, дошедшие до небывало высокой цены. Каретников, конечно, немедленно перевел все деньги за 5 тысяч кип хлопка.

Вернувшийся хозяин Кудрина послал его на ярмарку сдавать Каретникову отправленный хлопок. Кудрин, явившись к Каретникову, привез показать ему подлинную телеграмму, где значилось 5 тысяч кип, а не пудов. Каретников заключил Кудрина в свои объятия, расцеловал его и вручил ему пакет, сказав ему: «Это тебе подарочек!» В пакете лежало на 5 тысяч рублей новеньких серий с необрезанными купонами. Оказалось, что от этой ошибки на телеграфе Каретников нажил несколько миллионов рублей.

Вторая фирма, наша большая покупательница, была Товарищество Викула Морозова с сыновьями. Хозяином этой фирмы был старообрядец-беспоповец⁵¹ Викул Елисеевич Морозов. В мое время возглавлял эту фирму как деятель некто Иван Кондратьевич Поляков, выдающийся по уму и другим своим качествам коммерсант. Поляков был высокого роста,

⁴⁹ Речь идет о Василии Степановиче Каретникове, отце И.В. и С.В. Каретниковых.

⁵⁰ Во время гражданской войны в США 1861–1865 гг. между буржуазным Севером и рабовладельческим Югом флоты Англии и Франции, поддерживавшие южан, блокировали восточное побережье США, чтобы не допустить распространения освободительного движения на их колонии и уменьшить военно-экономический потенциал северян.

⁵¹ *Старообрядцы-беспоповцы* – направление старообрядчества, не признающее преемственности священства в официальной православной церкви, прервавшуюся, по их учению, в результате церковных реформ середины XVII в.

довольно плотный, совершенно плешивый, с ясными, лучистыми глазами, невольно притягивающий к себе людей, заставляя ему подчиняться; имел твердый, настойчивый характер и имел способность быстро ориентироваться во всех трудных вопросах. Карьера его началась со сторожей у ворот фабрики Викула Елисеевича; его жена Ненила Карповна в дни простоя фабрики мыла там полы и окна. Они были молодые, только что поженившиеся. Викул Елисеевич Морозов был большой любитель слушать чтение Священного писания на церковно-славянском языке, и кто-то из его старших служащих сообщил: новый молодой сторож при воротах фабрики хорошо читает, очень внятно и толково. Хозяин велел позвать Ивана. Его чтение ему очень понравилось, и он велел управляющему фабрикой поместить его в корпус на какую-то небольшую работу.

Поляков постепенно двигался все выше и выше, наконец за смертью старого управляющего был поставлен на его место, где в короткое время сумел показать себя: сравнительно неважное дело превратил в одно из передовых. После того, как В.Е. Морозов свое личное дело превратил в товарищество с правлением в Москве, И.К. Поляков был выбран директором, оставаясь в деле вплоть до передачи его Советскому правительству.

И.К. Поляков пользовался большой популярностью как среди своих конкурентов-фабрикантов, так и между своими многочисленными покупателями, имевшими к нему особое доверие. Случалось ли какое-нибудь несчастье или затруднение в делах, все спешили к нему за советом, зная, что он мудро и полезно даст им его.

Многие из его покупателей, не справившиеся со своим делом по сложившимся неблагоприятным для них условиям, обращались к нему, и он их успокаивал и давал советы, которые почти всегда были в их пользу⁵².

Многие из недобросовестных покупателей, желая поскорее составить состояние, приходили к нему, объясняя свое тяжелое положение какой-нибудь неблагоприятной для них причиной, с просьбой получить за задолженную ими сумму вместо полного рубля 10 %, другие 20, 30 % и т. д. Если этого нельзя было сделать без общего собрания всех кредиторов, то просили Ивана Кондратьевича выступить в защиту их на собрании, зная, что к его голосу большинство фабрикантов прислушиваются и делают по его совету.

С годами число таких неплательщиков много увеличилось, и в большинстве случаев это были такие, которые желали бы поскорее обогатиться за чужой счет. Конечно, от Ивана Кондратьевича – большого ума и опытности человека – не могло все это скрыться, и он, преследуя личные интересы Товарищества, где он работал, начал извлекать для Товарищества пользу; так, давая обещание выступить в защиту неплательщика на собрании, он говорил ему: «Ты предлагаешь 20 %, хорошо! А нашей фирме дашь 50 %, тогда я буду за тебя просить, а иначе не согласен!» Понятно, большинство соглашались на такое предложение.

Один из крупных оптовщиков мануфактурист Василий Семенович Федотов вздумал увеличить свой капитал за счет своих кредиторов, обратился к И.К. Полякову и получил от него согласие на известную скидку с тем, что тот будет поддерживать его на собрании кредиторов. Федотов успокоился, предполагая, что его дело – в шляпе, и принял при разговоре с одним из крупных кредиторов, Николаем Давидовичем Морозовым, еще сравнительно молодым человеком, довольно небрежный тон. Н.Д. Морозов, директор Богородско-Глуховской мануфактуры, талантливый, энергичный и красноречивый, выступил на собрании кре-

⁵² Свидетельством обращения купцов и предпринимателей в затруднительных случаях к консультативной помощи И.К. Полякова служит, в частности, письмо, направленное ему 25 мая 1913 г. известной серпуховской фабриканткой и купчихой А.В. Марасовой, текстильной фабрике которой грозил финансовый крах: «...Я осмеливаюсь прибегнуть к Вам, глубокоуважаемый Иван Кондратьевич, с моей покорно смиренной и слезной просьбой, во имя Бога всемогущего прошу и умоляю Вас не отвергнуть мою просьбу, помогите, научите нас, дайте нам Ваш многоопытный совет и указание, каким путем встать на ноги. <.....> Вас, многодобрый Иван Кондратьевич, Бог умудрил и прославил и опытом великим научил <.....> и во имя Христа и пречистой Его Матери помогите, поддержите и научите нас» (ЦИАМ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 270. Л. 14–14 об. Источник указан Е.А. Агеевой).

диторов как раз против предложения Полякова, с требованием назначения конкурса над делом Федотова, чтобы этим раз и навсегда отвадить других неплательщиков от посягательства на деньги кредиторов⁵³. Общее собрание с доводами его согласилось, и над делом Федотова был учрежден конкурс⁵⁴.

Конкурс был проведен скоро и весьма успешно для всех кредиторов, получивших полностью свой долг, и это, кажется, было впервые в продолжение моей жизни, когда при конкурсе никто не потерял из кредиторов, но Федотов был жестоко наказан⁵⁵.

Третьей фирмой, с которой нашему Товариществу пришлось иметь большие дела, была Реутовская мануфактура, принадлежащая миллионеру Мазурину⁵⁶. Мазурин был совершенно молодым человеком, но о нем говорили, что он отличается большими дарованиями. Делом не занимался, предоставив вести его Герасиму Сергеевичу Герасимову⁵⁷, весьма почтенному и солидному человеку, выделившемуся из среды старших работников Мазурина. Герасимов оставался в деле до конца своей жизни; вскоре после его кончины Мазурин продал свою мануфактуру за дешевую цену какому-то обрусевшему немцу⁵⁸ за миллион рублей. После моего состоявшегося знакомства с Г.С. Герасимовым, представленный ему Н.А. Найденовым, я предложил ему купить хлопка, но получил от него такой ответ: «С делом, где во главе стоит Николай Павлович Кудрин, которому совершенно не доверяю, я не желаю иметь никаких дел!»

Получив такой категорический отказ, придя в контору, передал Николаю Павловичу в мягкой форме слова Герасимова, что он никогда в Товариществе не купит хлопка, так как имеет что-то против него. На другой день на Бирже я заметил Кудрина, разговаривающего с Герасимовым, лицо которого не обнаруживало приятного расположения, и подумал: отлетит от него Николай Павлович — долго будет помнить!

В конторе я застал пишущего Кудрина, передавшего мне ордер на продажу двух тысяч кип Реутовской мануфактуре, причем добавил: «Кроме того, через две недели он купит у вас еще столько же, не забудьте!»

С этого времени Реутовская мануфактура сделалась большим покупателем кудринского Товарищества и пайщиком его, с дружеским отношением Герасимова к Кудрину. После чего я Н.П. Кудрина начал считать неотразимой сиреной.

Говоря о Мазурине, я не могу не передать того, что мне пришлось слышать об этой семье; хотя все эти воспоминания не относятся к периоду начала моей работы в Товарище-

⁵³ Ср.: «Он (Н.Д. Морозов. — В.Л., Е.Ю.) вел суровую борьбу против отдельных попыток всякого рода злоупотреблений и бесчестностей в торгово-промышленном обиходе: неплатежей, невыполнения обязательств по контрактам, нарушения данного слова» (Бурыйкин П.А. Москва купеческая. М., 1990. С. 120).

⁵⁴ Конкурс — управление имуществом несостоятельного должника, осуществляемое заимодавцами.

⁵⁵ В.С. Федотов представлял из себя довольно интересный тип купца, вышедшего из приказчиков и достигшего хорошего благосостояния, но корысть с желанием положить к себе в карманчик лишний миллиончик погубила его. Федотов был среднего роста, плешивый, с черными глазами, старающийся не смотреть вам в глаза; при встречах он поднимал веки, быстрым взглядом осматривал вас, сейчас же опускал их; такой же взгляд приходилось наблюдать у некоторых женщин, применяемый ими как особый род кокетства. Он был крайне нервный; когда он говорил с вами, поднимал глаза к небу, руки тоже, чтобы засвидетельствовать правоту свою, а если этого было, по его мнению, мало, он изливал слезу, бил себя в грудь. Вся его фигура, весь вид его с его жестами, слезами были какие-то неестественные, и ему особенно не доверяли, называя его за глаза Васька Федотов, говоря: «Этот Васька все-таки когда-нибудь пригласит нас на “чашку чая”». У купечества «чашка чая» означала собрание кредиторов с предложением скидки. И это мнение оказалось совершенно правильным; он своевременно, перед приглашением на «чашку чая», перевел на свою жену свои два дома, стоимость которых приблизительно была около 300 тысяч рублей, положил на ее имя в банк капитал тоже 300 тысяч рублей и был уверен, что он этим себя обеспечил на «черный день». Но оказалось, как говорят, «человек предполагает, а Бог располагает»!

⁵⁶ Главным пайщиком и председателем правления Товарищества Реутовской мануфактуры с 1880 по 1902 г. был Константин Митрофанович Мазурин.

⁵⁷ Правильно — Григорию Сергеевичу Герасимову.

⁵⁸ В 1902 г. правление Товарищества Реутовской мануфактуры возглавил Людвиг Артурович Рабенек.

стве «Н. Кудрин и К⁰», но я решил вставить здесь, отдельной главой, чтобы в дальнейшем не возвращаться к этому.

Глава 7

Думать, что что-либо невозможно лишь вследствие того, что оно кажется нам непонятным, есть самосомнение человеческого невежества. Поэтому нельзя отрицать возможность чуда как чего-то нам совершенно непонятного.

«Сила и материя (Kraft und Stoff)» проф. Mendsley⁵⁹.

С 1888 года по 1902 год мне приходилось бывать в правлении Реутовской мануфактуры, помещавшемся в полуподвальном этаже роскошного особняка Мазурина на Мясницкой улице⁶⁰, но за все это время ни разу не пришлось встретиться с хозяином этого дела; как предполагаю, Мазурин мало интересовался своим делом. Между тем мне очень хотелось повидать Мазурина и познакомиться с ним, из-за рассказов моей матушки о родоначальнике этой семьи, с которого началось особенное денежное благополучие этой фамилии.

Этот жуткий рассказ мне пришлось много раз слышать еще с самого раннего детства, и он удержался у меня в памяти до глубокой старости. Кроме того, что я слышал от своей матушки, мне пришлось от одного моего знакомого получить печатную брошюру⁶¹, где описывалось все то же, но с большими подробностями, кончавшееся смертью этого Мазурина⁶². Я постараюсь рассказать, как это у меня сохранилось в памяти.

Матушка относила это событие к 1845 году⁶³, когда ей было тринадцать лет. Она была взята родителями на это необычайное зрелище на улицу Покровку, где жил Алексей Мазурин, которого вели из дома в Казанский собор⁶⁴ для принесения клятвы в правоте своих показаний на суде.

Покровский дом Мазурина находился рядом с церковью Воскресения в Барашах⁶⁵, известной тем, что императрица Елизавета после своего венчания с графом Разумовским в селе Перове приехала в церковь Воскресения в Барашах и отслужила благодарственный молебен. По случаю этого события на церкви была водворена глава в виде короны с крестом, каковая была снята во время революционного времени в 1932 году и церковь упразднена.

Двухэтажный особняк Мазурина стоял в глубине большого двора, сзади его находился сад, а по бокам двора размещались флигели для жилья приказчиков и амбары для склада товаров⁶⁶.

Дом этот был продан Мазуриными приблизительно в 1888–1890 годах моему знакомому, сибирскому купцу Евстафию Ефимовичу Емельянову, который изменил ему вид

⁵⁹ Сведений о профессоре Mendsley и его работе «Kraft und Stoff» обнаружить не удалось.

⁶⁰ Особняк К.М. Мазурина располагался в современном домовладении 31–33 по Мясницкой ул. (не сохранился) (сообщено Н.А. Филаткиной).

⁶¹ Эту брошюру отыскать не удалось.

⁶² Речь идет об Алексее Алексеевиче Мазурине.

⁶³ Описываемое событие не могло относиться к 1845 г., т. к. один из главных его участников, А.А. Мазурин, умер в 1834 г. Скорее всего, мемуарист в описании событий, связанных с клятвопреступлением А.А. Мазурина, опирался не на рассказ матери, а на воспоминания бабушки (может быть, в пересказе своей матери).

⁶⁴ Казанский собор на Никольской ул. был построен в 1612 г. и освящен в 1636 г., закрыт в 1930 г. и разрушен в 1936 г. Восстановлен на прежнем месте в 1995 г.

⁶⁵ Храм Воскресения Христова «в Барашах», на углу ул. Покровки и Барашевского пер., был построен в 1733–1734 гг., закрыт в 1929 г., колокольня и купольное завершение разобраны в 1932 г.

⁶⁶ Усадьба А.А. Мазурина во второй четверти XIX в. располагалась на месте современного дома № 34 по ул. Покровке и домов № 2–6 по Лялину пер. См.: ЦАНТД. Яузская часть. Д. 202.

некоторыми пристройками и украшениями. До этого он был мрачного вида, окрашенный в желто-грязноватый цвет.

Мазурина считали за умного и предприимчивого купца, пользующегося известностью среди московского купечества; особенно с ним дружил один богатый грек (фамилию забыл, но Н.П. Сырейщиков, любитель хроники из жизни московского купечества, мне называл Баюкли⁶⁷), занимающийся скупкой сибирских мехов, продавал их в Лондоне и, кроме того, торговал жемчугом, бирюзой и другими драгоценными цветными камнями, привозимыми из Индии. Дружба Мазурина с греком с каждым годом укреплялась, и они решили побрататься между собой, то есть поменяться крестами, надетыми на них во время крещения, и после чего считали себя родными братьями. Начиная какое-нибудь дело, всегда советовались друг с другом и в тяжелые годы поддерживали взаимно деньгами.

Грек, скупивший достаточное количество мехов, собирался поехать в Лондон, а оттуда поехать в Индию для пополнения своего ассортимента драгоценных камней, зашел перед отъездом к Мазурину с просьбой взять на хранение его драгоценности, коих у него было на значительную сумму, опасаясь оставлять их в своем деревянном доме в Успенском переулке⁶⁸, говоря: «Избави Бог, пожар!.. все сгорит, а у тебя дом и амбары каменные, хорошо охраняемые, да, кроме того, жена моя сравнительно молодая женщина, чего не бывает... все возможно, увлечется и может растратить!»

Мазурин с охотой согласился исполнить его просьбу.

В день отъезда грек привез ларец, наполненный драгоценностями, и передал их Мазурину в его кабинете в присутствии его десятилетнего сына, случайно пришедшего к отцу.

Кроме того, грек, вручая ларец, передал Мазурину сумму денег, по его мнению, достаточную на прожитие его жене с двумя дочерьми в течение двух лет, говоря: «Я рассчитываю совершить поездку в год, но, может быть, задержусь, так на всякий случай даю на два, чтобы моя семья ни в чем не нуждалась за мое отсутствие». Трогательно простились, и грек уехал.

Греку благополучие сопутствовало во всех делах: в Лондоне меха продал по высокой цене, нашел скоро отходящий корабль в Индию, в Индии накупил подходящие драгоценности, сел на корабль для обратного путешествия в Лондон.

Но вскоре счастье ему изменило: корабль попал в сильный шторм, понес аварию и пошел со всеми людьми и товарами ко дну. Спасшихся было мало, но одним из них оказался грек, уцепившийся за какой-то обломок корабля, с которого был снят – в бессознательном состоянии – на корабль, идущий из Европы в Индию. Его, еле живого, доставили в какой-то порт и поместили в больницу, после долгого пребывания в больнице был выпущен и очутился на воле без средств и знакомых. Принужден был обратиться к английскому консулу с просьбой отправить его в Россию, но получил отказ, после чего побывал у всех консулов других государств и везде получил отказ.

К его благополучию, во французском консульстве был назначен новый консул, к которому он обратился, уверяя его, что он богатый человек и все расходы по его проезду и содержанию будут уплачены по возвращении в Россию. Лицо грека консулу показалось симпатичным и рассказ его правдоподобным, и он дал ему возможность выехать на корабле, идущем во Францию, откуда он через русское посольство перебрался в Москву.

Грек, прибывший в Москву, откуда он выехал более трех лет назад, поспешил в свой дом на Покровке, в Успенском переулке. Увидел, что дом сгорел, остались горелые стены и разрушенные печки. Пошел к своему приходскому священнику, но не застал дома, тогда зашел к псаломщику. Псаломщик, увидав вошедшего грека, сильно перепугался, счел за при-

⁶⁷ В купеческом мире Москвы был известен нежинский грек И.Д. Буюкли (не Баюкли), ровесник А.А. Мазурина. В своих неопубликованных воспоминаниях о семье Мазуриных П.М. Юдина называет фамилию другого грека-купца – Ашке-нази. См.: *Филаткина Н.А.* Мазурины (по страницам неизданных мемуаров) // Московский журнал. 1997. № 6. С. 24.

⁶⁸ Большой Успенский пер. на ул. Покровке (ныне Потаповский пер.).

зрак и с испуга начал креститься и читать заклиняющую молитву, но греку в конце концов удалось успокоить перепуганного псаломщика, убедив его, что он не выходец из загробного мира, после чего псаломщик рассказал, что его считали давно умершим и церковь молится за упокой его души. Его жена и дочери живы, живут на Швивой горке⁶⁹, открыли прачечную, трудами своих рук добывают себе на прожитие; после того, как дом его сгорел через два года после его отъезда, оставленные им Мазурину деньги были израсходованы и он дальше отказался давать.

Отправился к жене, подтвердившей все сказанное псаломщиком.

Грек, возмущенный поступком побратима, пошел к нему. Войдя в кабинет, увидел сидящего Мазурина за письменным столом, что-то читающего. Мазурин поднял глаза, увидел стоящего перед ним грека, от неожиданности вскрикнул.

Не сомневаюсь, что у Мазурина в голове блеснула, как молния, мысль: сознаться!.. но это не укрепит старую дружбу, потерянную навсегда; так не лучше ли сказать, что никаких ценностей не брал, и они останутся у него навсегда, а притом они так хорошо и выгодно им пристроены.

Произошел крупный разговор, кончившийся тем, что Мазурин сорвал с себя крест и швырнул его в грека со словами: «После твоих вымогательств и лжи я тебе не брат!»

Начался судебный процесс. Грек показал, что он привез Мазурину ларец с драгоценностями и вручил ему при его малолетнем сыне. Вызванный сын показал: ларец он видел, но, что в нем было, ему не известно.

Дело тянулось долго, прошло все инстанции, и, понятно, оказался тот прав – по суду того времени, – кто богат и силен. После проигрыша греком дела Мазурин привлек его в свою очередь к суду за вымогательство. И суд бывшего друга Мазурина присудил в тюрьму. Мазурин был уверен, что ему оттуда уже не выбраться.

В этом году была назначена Николаем I ревизия московских тюрем. Производил ревизию какой-то генерал-адъютант, назначенный лично государем. Обходя тюрьму, генерал расспрашивал некоторых заключенных, имевших жалобу, и таким образом греку удалось подробно рассказать все свое дело, причем он сказал: «Я знаю, что пересмотр моего дела вторично не может быть, но я бы был совершенно доволен, если Мазурина заставят принять клятву перед крестом и св. Евангелием, что он ларца с драгоценностями не брал; если он это исполнит, я готов остаться в тюрьме на всю жизнь».

Грек, с его исстрадавшимся лицом, умными и добрыми глазами, генералу понравился, и он обещал доложить о его деле государю и сообщить его просьбу.

При докладе государю генерал исполнил просьбу грека, причем указал, что он своим видом внушает доверие и не похож на вымогателя. Резолюция государя была такова: грека из тюрьмы освободить, а Мазурина привлечь к принесению клятвы перед крестом и св. Евангелием, что он драгоценности не присваивал.

Распоряжением московского начальства принесение клятвы было обставлено чрезвычайно торжественно. В двенадцать часов ночи Мазурин должен выйти из дома босым, одетым в саван, перепоясанный веревкой, со свечой из черного воска в руке. Перед ним шло духовенство в черных ризах, несли крест и св. Евангелие; это шествие по бокам сопровождал ряд монахов в мантиях, тоже со свечами в руках. Находящиеся по пути следования церкви печально перезванивались, как это обыкновенно делалось во время перенесения праха священника на место постоянного упокоения.

Путь шествия был по Покровке, Маросейке, Ильинке, Красной площади до Казанского собора.

⁶⁹ *Швивая горка* – в XIX в. окраинный район Москвы, крутой холм у впадения р. Яузы в Москву-реку.

Это картинное зрелище – борьбы житейских выгод мира с чувством совести – было чрезвычайно тяжелое и потрясающее; многие слабонервные плакали.

Площади и тротуары были усыпаны народом, собралась смотреть вся Москва.

Мазурин шел бледный, утомленный, с потупленными в землю глазами.

В соборе священник сказал слово, предупреждая Мазурина о страшном гневе Божьем на клятвопреступников, могущих ожидать кары Божьей не только в будущем мире, но она может последовать здесь, на земле. Просил приступить к клятве с полным сознанием святости совершаемого.

Мазурин поклялся, что ценностей не присваивал, и немедленно уехал в ожидавшей его карете.

Вскоре после этого грек серьезно захворал. Предчувствуя близость смерти, он попросил одного из своих друзей сходить к Мазурину и передать ему, что он умирает. Он от него ничего не ищет и ничем житейским не интересуется, а лишь имеет одно желание: умереть истинным христианином, примириться со всеми, чтобы уйти отсюда без злобы и ненависти и не оставить у других такого же чувства. Мазурин не поехал. Грек скончался.

Друзья Мазурина советовали поехать на похороны, говоря: «Тебя осудят, если не поедешь, ты был долгое время с ним дружен!»

Мазурин приехал на отпевание. В конце отпевания, когда все близкие подходили к усопшему и прощались, при трогательном пении молитвословия, бьющем по нервам мотивом: «Зряще безгласна... и целуйте мя последним целованием...», Мазурин тоже подошел к гробу и нагнулся, чтобы поцеловать руку покойника. Случилось очень редкое явление: в трупе получился разрыв артерии, обыкновенно сопровождающийся сильным шумом, наподобие шума от разорвавшейся бутылки, наполненной жидкостью с газами. Мазурин как-то неестественно откачнулся, бледный, с блуждающими глазами выбежал из церкви. Домой вернулся уже сумасшедшим человеком, оставшимся до конца жизни таковым.

Вскоре умер и Мазурин. На похороны собралась масса народа, и невольно бросалось в глаза надетое покрывало с половины лица от носа покойника, чего обыкновенно не бывает. Оказалось, что пришлось это сделать по необходимости из-за выпадения языка наружу. Цвет его был темно-синий, размером громадный. Видевшие труп Мазурина без покрывала вспоминали об этом с трепетным ужасом. Народная молва приписывала тяжелую болезнь Мазурина и его ужасную смерть Божьему наказанию за его проступок и утверждала, что весь его род до седьмого колена понесет наказание.

Моя трудовая жизнь, начавшаяся с двадцатитрехлетнего возраста, проходила между крупным московским купечеством, где в среде их встречались отроки из семьи Алексея Мазурина. Естественно, меня интересовали эти семьи как могущие в некоторой степени подтвердить народное поверье, что проступки предков против законов духовного мира бывают наказуемы до седьмого колена.

Все, что мне пришлось слышать и видеть, расскажу здесь.

В 1865 году было большое нашумевшее уголовное дело: один из потомков А. Мазурина убил на своей квартире в своем доме по Златоустинскому переулку (потом этот дом был куплен Бахрушиными) купца бриллиантами и ограбил его.

Убийство было произведено Мазуриным в тот вечер, когда его сестра Варвара Федоровна бракосочеталась с известным московским купцом Михаилом Андреевичем Чернышевым; после венчания был многолюдный бал. В то время, когда гости встречали в зале второго этажа новобрачных с бокалами шампанского, поздравляя их, в первом этаже брат невесты разрезал труп убитого им купца на части, пряча их в сундук. Преступление открылось⁷⁰. Мазурина судили и приговорили к смертной казни.

⁷⁰ Убийство ювелира Ильи Калмыкова Василием Федоровичем Мазуриным, внуком А.А. Мазурина, произошло 14 43

Казнь должна была происходить на Калужской площади. Лица, ходившие смотреть на ожидаемую казнь, видели мать убийцы⁷¹, сопровождавшую всю дорогу своего сына, сидящего на телеге спиной к лошадям, с прикрепленным на груди плакатом с указанием его проступка. Мать шла с потупленными в землю глазами. С этого дня она никогда и никому не смотрела в глаза, вплоть до своей смерти.

Смертная казнь после прочтения приговора была заменена наказанием плетью и ссылкой на каторжные работы.

Во времена моего детства в моей семье был постоянным врачом Юлий Петрович Гудвилович, навещающий нас даже тогда, когда никто не хворал; приглашаемый к чаю, он почти всегда рассказывал о разных случаях, бывших с ним в жизни. Он рассказывал о семье Мазуриных, где он тоже был домашним врачом, и знал убийцу еще с детства. Однажды тот захворал какой-то серьезной болезнью, которая все осложнялась и ухудшалась. Гудвилович посоветовал родителям созвать консилиум, боясь на себя одного брать ответственность. Консилиум состоялся из нескольких известных докторов, возглавляемых профессором. Консилиум определил безнадежность больного мальчика и приговорил к неминуемой смерти. Профессор, уезжая и видя состояние матери, посоветовал Гудвиловичу не покидать дом Мазуриных, чтобы можно было бы подать первую помощь ей в случае, если мальчик скончается.

Профессор и доктора, понятно, скрыли от матери свое определение, но она поняла, что должна лишиться сына, побежала в свою спальню, бросилась на колени перед иконой с горячей молитвой о сохранении жизни ребенка. В экстазе она видит – как бы во сне: святой, изображенный на иконе, вышел и говорит: «Не проси Господа о сохранении ему жизни, много он принесет горя тебе и другим!» Она с сильным порывом чувств прокричала: «Я готова на мою голову принять все страдания, но умоляю Бога оставить ему жизнь!» Был ответ: «Будь по-твоему!»

Гудвилович, сидя у постели страдающего мальчика, заметил в его здоровье перемену: мальчик начинает ровно дышать, хрип, выходящий из груди, прекращается, и больной засыпает. Доктор прикладывает руку к голове: жар уменьшился, пульс бьется правильно.

О результате своих наблюдений он спешит сообщить матери, посылая няньку, чтобы она привела ее сюда. Нянька находит мать распростертой на полу перед иконой в бессознательном состоянии. Приведенная в сознание, после того как доктор поведал ей, что у сына ее перелом болезни и имеется надежда на выздоровление, мать в безумной радости рассказывает всем присутствующим о своем видении.

Когда с Мазуриным случилось несчастье, Гудвилович рассказал об этом моей матушке.

Гудвилович был поляк-католик. После случая с Мазуриным он стал посещать ежегодно Троице-Сергиевскую лавру, где перед мощами св. Сергия Преподобного совершал молебен и ставил свечу в рубль, как сам об этом рассказывал. Из чего я заключил, что явившийся матери Мазурина угодник был св. Сергей Радонежский, считающийся в семье Мазуриных их покровителем, и они всегда особо его почитают.

июля 1866 г. (а не в 1865 г., как утверждает автор) в день помолвки его сестры, в доме Мазуриных в Большом Златоустинском пер. (д. 4/7, не сохранился). В.Ф. Мазурин пригласил к себе Калмыкова, чтобы сговориться с ним по поводу выкупа заложенных им у одного ростовщика фамильных бриллиантов. Когда ювелир пришел к нему с крупной суммой денег для выкупа, Мазурин убил его, ограбил и труп спрятал в пустом помещении магазина на первом этаже здания. Через 8 месяцев преступление было раскрыто, Мазурин был судим и приговорен к смертной казни, замененной 15 годами каторги. Этот трагический случай нашел отражение в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». См.: *Филаткина Н.А.* Указ. соч. С. 27–28; *Дороватовская-Любимова В.С.* «Идиот» Достоевского и уголовная хроника его времени // Печать и революция. 1928. № 3. С. 31–53.

⁷¹ Матерью осужденного была Александра Васильевна Мазурина, урожд. Перлова.

Я в компании с А.Н. Дунаевым, Ф.Н. Щербачевым и Р.В. Живаго приблизительно в 1907 году летом отправился в имение Максимильяна Васильевича Живаго, находящееся в нескольких верстах от станции Подсолнечной Николаевской железной дороги.

Встретивший нас хозяин был весьма возбужден и расстроен, объяснив свое состояние тем, что ему сейчас сообщили из имения Мазурина, соседнего с ним, о лишении себя жизни хозяином, зарезавшимся тарелкой, переломленной им пополам. Этот Мазурин⁷² (имя и отчество забыл) страдал манией самоубийства, уже неоднократно старался привести в исполнение свою мысль. В предупреждение этого в его комнате все стены были обиты толстым английским сукном, подбитым слоем ваты, чтобы не дать ему возможности с разбега разбить голову. Твердую пищу давали мелко нарезанной, чтобы он мог есть ее ложкой, и во всем остальном были приняты таковые же меры. Кто мог думать, что тарелка окажется орудием самоистребления!

Как-то зайдя к своей знакомой М.Н. Васильевой, застал у нее в гостях даму, с которой она меня познакомила, назвав ее фамилию – Юдина Пелагея Михайловна, причем прибавила, что она дочка Михаила Андреевича Чернышева, а мать ее – Варвара Федоровна, урожденная Мазурина.

Завязался общий разговор о Мазуриных; хозяйка, зная, что я интересуюсь этой семьей, обратилась к Юдиной с просьбой рассказать все, что пришлось слышать ей в своем доме о них.

П.М. Юдина рассказала про своего дядю, Федора Федоровича Мазурина, брата матери, которого она хорошо помнит и которого она очень любила. Федор Федорович был начитанным, интересным человеком, отличался большими странностями. Одна из таких особенно выделялась: он ежегодно ранней весной покидал дом до глубокой осени, одевшись в костюм простого крестьянина, с котомкой на плечах и в лаптях на ногах. В таком виде он обходил самые дальние, глухие поместья, скупал там разные ценные издания, тратя на это большие деньги. Все эти путешествия были вдалеке от железных дорог, проделывались пешком; питался исключительно подающими, не расходуя на это ни копейки своих денег.

Федор Федорович Мазурин был известный библиоман, владелец большой библиотеки роскошных и редких книг, спрятанных в его доме в запертых сундуках⁷³.

Потом г-жа Юдина сказала, что как это ни странно, но в их семье почему-то никогда не говорили о Мазуриных; иногда только у родителей прорывались фразы, дающие возможность думать, что в этой семье произошло что-то ужасное; так, у родителей, рассерженных какой-нибудь шалостью или проступком детей, вырывалась фраза: «Ах, все это из-за мазуринского наследства!»

Рассказала, что в их семье Чернышевых не все было благополучно: однажды, когда сидели за чаем в столовой, из комнаты ее старшего брата раздался выстрел: «Мать, разливавшая чай, вся задрожала, бледная, вскочила, закричав: «Это мазуринское проклятье!» – и без чувства упала на пол. Действительно, мой брат застрелился»⁷⁴.

Когда мадам Васильева сказала Юдиной, что мне известно мазуринское событие, то она очень просила рассказать о нем. Выслушав, она ответила: «Теперь мне ясны восклицания родителей и их боязнь за нас, детей». Причем она добавила: «Из трех оставшихся в

⁷² Личность этого Мазурина не установлена.

⁷³ О Ф.Ф. Мазурине вспоминал П.И. Щукин: «...Не могу обойти молчанием еще одного библиофила, которого хотя и не знал лично, но часто встречал у букинистов, а именно – потомственного почетного гражданина Федора Федоровича Мазурина. Всегда угрюмый и плохо одетый, он по целым дням рылся в книжных лавках, причем иногда незаметно вырывал из редкой книги лист или два, чтобы ее обесценить и купить подешевле, а при случае даже воровал книги. Мазурин покупал книги в долг и постепенно платил <.....> Свои книги Федор Федорович держал не в шкафах, а в сундуках <.....>» (Щукин П.И. Воспоминания. М., 1912. Ч. 3. С. 10).

⁷⁴ Покончил жизнь самоубийством Сергей Михайлович Чернышев, сын М.А. Чернышева и Варвары Ф. Чернышевой, урожд. Мазуриной (сообщено Н.А. Филаткиной).

живых братьев все были неизлечимые алкоголики, доставившие родителям много огорчения, а также и нам, сестрам».

Сказала еще, что в их семье особенно почитается св. угодник Сергей Радонежский, считающийся покровителем их семьи.

Уходя, прощаясь, она добавила: «У меня двое сыновей, и я начинаю понимать, что и у них достаточно мазуринского проклятья, – это меня весьма волнует, но оно почти несомненно!»

М.Н. Васильева по уходе Юдиной добавила, что у нее две сестры, отличающиеся большими странностями, и они не избежали болезни рода Мазуриных, да и сама мадам Юдина, с громадными способностями, кончившая блестяще гимназию, подававшая большие надежды в молодости, своим образом жизни, разными странными делами, с преобладанием непонятной алчности, заставляет думать, что и она в достаточной мере награждена мазуринским наследством.

Почти единовременно с моим знакомством с Юдиной пришлось познакомиться с Н.П. Сырейщиковым, хорошо знавшим семью Василия Алексеевича Бахрушина, женатого на Вере Федоровне Мазуриной, сестре Варвары Федоровны Чернышевой. Про Веру Федоровну Бахрушину он сообщил, что она, несомненно, душевнобольная, ее единственный сын, Николай Васильевич, страдает тяжелой формой мании преследования, об этом я тоже слышал от его двоюродного брата Николая Петровича Бахрушина; из ее дочерей две – Мария Щеславская и Лидия Челнокова – тоже страдали душевной болезнью, а третья, Наталия Урусова, была как бы нормальна.

Относительно Мазурина, владельца Реутовской мануфактуры, могу сообщить очень мало, так как не был с ним знаком и не имел общих знакомых, могущих подробно рассказать о его образе жизни и странных проявлениях ее. Но кое-что пришлось слышать из разных источников: он был весьма даровитым человеком, окончил университет и, кажется, еще какое-то одно из высших учебных заведений. Семейная жизнь его была сумбурная, с переменой многих жен, но была ли этому причина его душевное неравновесие или естественная распущенность богатых людей, получивших состояние, нажитое не своими трудами? Странная продажа фабрики по сравнительно дешевой цене, а тоже своего роскошного особняка на Мясницкой улице, с большой ценной землей и с доходными домами на ней, а взамен этого постройка роскошного особняка на Собачьей площадке, дорого стоящего⁷⁵.

Когда ему было около сорока лет, он поступил в Московский университет на медицинский факультет, где окончил курс и после чего открыл лечебницу для извлечения коммерческих выгод от произведения абортов у дам и девиц.

Недаром говорится в священной книге «Премудрости Соломона» (гл. 3, 19): «ужасен конец несправедного рода».

Глава 8

В Среднеазиатском товариществе конец 1887 года ознаменовался некоторыми событиями: Н.П. Кудрин переехал на постоянное жительство в Москву, правление Товарищества перебралось из Троицкой гостиницы в дом Хлудова на Ильинку⁷⁶ и директор правления А.А. Найденов оставил Товарищество. Следующий, 1888 год, високосный, по народному пове-

⁷⁵ К.М. Мазурину принадлежал *особняк*, выстроенный им в неоготическом стиле в 1897 г. на *Собачьей площадке* в Москве. В послереволюционные годы особняк был передан Союзу композиторов, а в 1962 г. снесен при прокладке проспекта Калинина (Нового Арбата). См.: *Романюк С.К.* Из истории московских переулков. М., 1988. С. 187.

⁷⁶ Василий Алексеевич Хлудов, по завещанию своего отца, А.И. Хлудова, с 1882 по 1905 г. владел трехэтажным домом на углу ул. Ильинки и Карунинской пл. Ныне на месте этого дома стоят здания Верховного суда и Министерства финансов Российской Федерации (ул. Ильинка, д. 9).

рю – тяжелый, подтвердил в Товариществе эту народную примету; год оказался весьма тяжелым как для меня, так и для Товарищества. Н.П. Кудрин заметно сделался раздражительным, раньше он был весьма сдержанным. Бесконечное его чаепитие усилилось; обыкновенно, когда он являлся в контору, артельщик приносил ему стакан чаю, положив в него два куска сахара, оставлял пока немного охладиться, после чего Кудрин в три-четыре приема выпивал, звонил артельщику, и так весь день, пока он находился в правлении. Когда у Н.П. Кудрина не было посетителей, то он все время писал письма, отправляя на почту целыми пачками, и статьи в газету «Московские ведомости»⁷⁷.

Все письма, касающиеся товаров, получаемых из отделений Товарищества, как о нехватке или плохом качестве, шли из правления за моей подписью. В одном из таковых писем я сделал серьезный выговор доверенному одного из отделений за то, что им была куплена и принята кожа невыделанная – сырая, а чтобы она во время долгого пути не сгнила, была просыпана солью, отчего товар терял значительно свою стоимость.

Николай Павлович, прочитав это письмо, обратился ко мне и сказал: «Я работаю несколько десятков лет и не знал, что кожу солят! Советовал бы, прежде чем писать такие письма, поговорить со мной, а то в отделениях будут смеяться!»

Я, обиженный таким замечанием, не воздержался и ответил ему: «Удивляюсь, что вы, занимаясь несколько десятков лет торговлей, не знаете обыкновенных мошенничеств, применяемых плутами-продавцами. Прием товара нашим доверенным можно рассматривать так: либо он не понимает ничего в товаре, либо получает от продавца взятку!» Сейчас же позвал приказчика-специалиста, объяснившего Кудрину все это дело. Кудрин был сконфужен, но промолчал.

Часто говоря с ним, оставаясь вдвоем в правлении, я замечал, что некоторые мои фразы и мысли он записывал на клочках бумажки, которые прятал к себе в ящик стола. Для чего он это делал, я не могу до сего времени представить. Но уверен, что делалось с целью, чтобы в будущем иметь возможность пользоваться ими против меня. После его кончины при описи его бумаг в столе все они были найдены. Между Кудриным и мной началось какое-то разъединение, между тем я так много вникал в дело и, благодаря советам опытных и сведущих лиц, в Товарищество вносил известный порядок и режим, который он видел и который он не мог не одобрить, и эта мысль меня сильно угнетала и печалила, но, как оказалось, тому была причиной начавшаяся у него серьезная болезнь. В мае однажды он не явился в правление, прислав из дома с просьбой, чтобы я доставил ему все письма и телеграммы.

Я поехал сам и застал его лежащим в кровати, причем его жена, по предписанию доктора, просила не заниматься делом, но он, понятно, и слушать не хотел, прочитывал всю корреспонденцию и делал пометки для ответов. Положение его здоровья с каждым днем делалось все хуже и хуже. Лечивший его доктор Никольский определил брайтову болезнь почек⁷⁸ и объяснил, что его непрерывное чаепитие есть верный показатель этой болезни.

Меня очень волновало здоровье Николая Павловича, я отлично понимал: умри он, дело продолжаться не может, не найдется другого человека, чтобы заменить его. Советовал его жене пригласить профессора Захарьина, она все не решалась этого делать, но, видя, что здоровье его с каждым днем ухудшается, попросила меня съездить к Захарьину.

Отворил дверь лакей, я попросил доложить Захарьину обо мне. Мне бросилось в глаза, что лакей как-то странно посмотрел на меня, что-то хотел сказать, но, промолчав, пошел доложить. В приемную, куда я был введен лакеем, через некоторое время вошел высокого

⁷⁷ «Московские ведомости» выходили с 1756 по 1917 г., в 1850–1855 и в 1863–1887 гг. их редактором был М.Н. Катков.

⁷⁸ Брайтова болезнь – заболевание почек (нефрит). Названа по имени английского врача-нефролога Р. Брайта, описавшего ее клинику и морфологию.

роста, крепко сложенный старик, с густыми бровями и черными пронизательными глазами, как бы пронизывающими тебя насквозь.

Я ему отрекомендовался и высказал свою просьбу, с указанием, что болезнь и могущая быть смерть такого человека, как Кудрин, так нужного для развития Среднеазиатского края, заставила меня его побеспокоить, с целью проверить его болезнь и правильность лечения. Захарьин задал несколько вопросов относительно Кудрина и сказал, что фамилию Кудрина он знает из газет и фамилия моя ему знакома: «Не ваш ли родственник Николай Маркович Варенцов?» Я ответил, что он мой дед. «Где вы учились?» Я ответил. «Вам неизвестно, что я не езжу по приглашению больных, а только по приглашению доктора, лечащего больного?» Посмотрел на меня сурово своими злыми глазами, сказав «Посидите!», вышел из приемной.

Я остался сидеть и в это время думал: какова причина его недовольства мною? В это время в соседней комнате начало происходить что-то невероятное: шум, битье палкой мебели, падение ее, треск. Я был всем этим шумом ошеломлен, думая, что все это значит. Правда, я сильно волновался, чувствуя ясно, что причиной всего этого был я, и испугавшись, что он может отказаться поехать к Кудрину и я буду виновником этого. Жена Кудрина будет на меня сердиться и обвинять меня, если ее муж скончается.

Треск и шум продолжался минут 15 или 20, наконец притих. Отворилась дверь, и вбежал взбешенный, с глазами, полными ненависти, Захарьин, начавший упрекать меня: «Вы, молодой человек, учившийся в высшем учебном заведении, позволили меня назвать доктором!» Я открыл рот, чтобы извиниться. «Молчите! Вся Россия знает, что я не езжу по приглашению больных. У меня лечатся великие князья, министры, другие известные лица, и все знают, что я приезжаю по приглашению докторов...». Я стоял перед ним сконфуженный, подавленный своей ошибкой: действительно назвал его доктором! Опять хотел извиниться. «Молчите! Посидите немного, я скоро вернусь.....» Он выбежал из комнаты, битье и треск продолжались, но с меньшим уже шумом, и наконец замолкло.

Через некоторое время Захарьин вышел спокойный и даже сконфуженный: «Извините меня, я больной человек!» Посадил меня рядом и начал обстоятельно расспрашивать о больном, потом сказал мне, что по окончании им университета его первый больной был мой дед, а потому он хорошо его помнит⁷⁹. Назвал фамилию своего ассистента, к которому я должен поехать; после его осмотра больного и доклада ему он приедет и лично осмотрит Кудрина. Простился со мной очень любезно⁸⁰.

На другой день Захарьин приехал к Кудрину, подтвердил правильность лечения доктором Никольским и, успокоив жену, сказал: «Опасности для жизни больного нет».

⁷⁹ Ср.: «Известно было, что Захарьин носил в своем жилетном кармане тот серебряный полтинник (50 коп.), который он получил как первый гонорар за лечебную практику. Этот свой первый врачебный заработок он носил при себе всю жизнь, “на счастье”» (Юдин С. С. Профессор Захарьин и другие... Из воспоминаний хирурга // Наше наследие. 1998. № 46. С. 182).

⁸⁰ Про профессора Захарьина много ходило разных легенд, слухов и смешных историй, главная тема их – его корыстолюбие. Мне пришлось запомнить одну из них, как у молодого, только что повенчавшегося миллионера фон Дервиза захворала его жена, у ней поднялась температура тела выше 39°. Влюбленный муж сильно перепугался, немедленно послал управляющего к Захарьину с просьбой приехать и осмотреть его жену. С управляющим фон Дервиза произошло то же самое, что и со мной: битье, треск, выговор и отправка к ассистенту. Ассистент немедленно поехал, осмотрел больную и, видя волнение мужа, успокоил его, сказав: «Я нахожу, что у вашей жены грипп, серьезного пока ничего не вижу, а потому советую вам не волноваться!» Фон Дервиз поблагодарил его и вручил ему пакет. Доктор, желая посмотреть, сколько найдется денег в пакете, дорогой раскрыл его и увидел, что в нем лежало десять сотенных билетов. Тогда его взяло сомнение, не принял ли фон Дервиз его за профессора Захарьина. Решился вернуться обратно и передал фон Дервизу: «Вы сочли, нужно думать, меня за профессора Захарьина, дав тысячу рублей, а между тем я только его ассистент». Фон Дервиз его успокоил: «Я знал, что вы не Захарьин, заплатил вам за сообщенную радость, что у моей жены несерьезная болезнь». Ассистент, приехав к Захарьину, сообщил о состоянии больной и сколько им получено от фон Дервиза. Захарьин немедленно выехал к фон Дервизу, но не был принят, ему сообщили, что болезнь выяснена и этого вполне достаточно. Захарьин, видя, что его ассистенту дали тысячу, думал получить там не меньше 5 тысяч рублей.

На следующий день после его посещения из дома пришли сообщить: Николай Павлович скончался⁸¹.

Я, подавленный его неожиданной кончиной, отправился сообщить Н.А. Найденову в банк, в то время там было заседание членов Учетного комитета, некоторые из них поинтересовались узнать, остались ли у него средства. Я ответил, что знал: в Оренбурге у него был дом, стоящий 30–50 тысяч рублей, паев Товарищества на 200 тысяч рублей и на текущем счету его личных денег 160 тысяч рублей, так что всего приблизительно тысяч на 400.

В церкви, когда отпевали его, народу было много. В то время, когда архиерей раздавал присутствующим зажженные свечи, я заметил пробирающегося ко мне нашего артельщика, я подошел к нему. Он подал телеграмму и сказал, что она доставлена особым чиновником из Главного почтамта с тем, что должна быть принята обязательно под расписку Н.П. Кудрина. Когда ему сказали, что он скончался, он велел передать его заместителю. Я отошел в сторону и прочел. Она была за подписью министра финансов Вышнеградского, извещающего и поздравляющего Кудрина с милостивейшим соизволением государя императора об отводе государственных земель в Голодной степи по реке Сырдарье в количестве миллион десятин и 150 тысяч десятин на Мургабе в аренду на 99 лет, с просьбой поспешить приехать в Петербург для оформления и закрепления сего дара.

Я с огорчением подумал: вот ирония судьбы! О своих хлопотах в Петербурге о земле Кудрин никому в правлении не сообщал. Для меня стало понятным, почему Николай Павлович так интересовался корреспонденцией, особенно из С.-Петербурга, спрашивая меня накануне своей кончины: «Нет ли чего из Петербурга?»

Говорят: пришла беда, отворяй ворота! Так, после кончины Н.П. Кудрина посыпались на нас разные беды. Только похоронили Кудрина, как из Оренбурга пришла телеграмма, извещающая о наступлении срока векслю Кудрина с бланком Товарищества на сумму 30 тысяч рублей, учтенного в одном из оренбургских банков, с предупреждением, если не последует своевременной высылки денег, вексель будет протестован. Причем в телеграмме добавлено: шлетсЯ письмо с разъяснением. В правленских книгах бухгалтерии таковых векселей не значилось, но, опасаясь протеста, деньги перевели.

Из полученного письма доверенного Вошинина увидели: Кудрин вручил ему векселей на 170 тысяч рублей со своей подписью и распорядился учесть их в разных банках, с бланком Товарищества, согласно имеющейся у Вошинина доверенности на право учета покупательских векселей. Вошинин уже старый, по характеру мягкий, безвольный, не осмелился послушаться директора-распорядителя, все это исполнил, внося полученные от учета деньги на имя Н.П. Кудрина, вследствие чего получились в кассе Товарищества 160 тысяч рублей, числящихся на его имени, с уплачиванием ему процентов за их пользование.

Все письма из Азии, адресованные на имя Н.П. Кудрина, пришлось прочесть, из них увидели, что положение дел с мануфактурой находится в весьма печальном виде: амбары наполнены товаром исключительно неходовых сортов, которые могут быть только понемногу сбываемы, если к ним добавят ходовых сортов. Пришлось побегать по фабрикантам с просьбой дать нужных товаров, но почти все под благовидным предлогом отказывали, понимая, что Товарищество без Кудрина не может долго продержаться.

Из писем, получаемых от агрономов из Чарджуя, были и приятные известия: сто с чем-то десятин очищены от камыша, устроена плотина, земля засеяна хлопком, который несколько раз окучивали и поливали, ожидался блестящий урожай. Но в августе пришла телеграмма: сильная жара усилила таяние снега в горах, благодаря чему в Амударье произошел большой приток воды, разрушивший в один миг плотину и уничтоживший посев хлопка. Это несчастье произвело потрясающее впечатление на молодых агрономов: один из

⁸¹ Н.П. Кудрин скончался 8 июня 1888 г. См.: Московские ведомости. 1888. 9 июня.

них, доктор, сошел с ума и был увезен в Россию, другой бросил службу и не мог слышать равнодушно об Азии, покинув ее навсегда. И это дело погибло с трагическим концом⁸².

В довершение всего незадолго до открытия Нижегородской ярмарки Шагазиев, вернувшийся из Бухары, открыл свое комиссионное дело, переманив почти всех клиентов Товарищества к себе, мы же остались с ничтожным количеством товаров, понятно, исключая хлопок.

Через месяца полтора после кончины Кудрина состоялось общее собрание пайщиков, и был выбран в директора Николай Михайлович Владимиров.

Глава 9

Н.М.Владимиров был лет пятидесяти с чем-нибудь. Роста был высокого, довольно плотный, с отличной растительностью, с длинной окладистой бородой, носил золотые очки. Вообще по виду это был хорошо сохранившийся мужчина и походил видом своим на ученого, земского деятеля⁸³, то есть на лицо, занимающееся интеллигентным трудом, а не на коммерсанта. Говорил образованным языком, видно, что был начитанный и с хорошим образованием. Кончил он курс в Петербургском коммерческом училище⁸⁴, откуда со школьной скамьи поступил в Лондон к известному купцу Громову⁸⁵.

Перед поступлением в Среднеазиатское товарищество работал в Торговом доме А.К. Трапезникова с сыном в Сибири. Бежал оттуда, как рассказывал сам, испугавшись обострившихся отношений с окружающими, что его там могут убить. Считал себя счастливым, что ему удалось выбраться в Москву.

На меня произвел хорошее впечатление, и мне казалось, что он добрый и хороший человек. Я с большим удовольствием начал его вводить в курс дела, рассказывал и показывал все, что сам знал.

Николай Михайлович работал всю жизнь по бухгалтерии и к коммерческой жизни, требующей инициативы и быстрых решений, не был приспособлен. Мне думается, это Владимиров и сам хорошо понимал, а потому живой работой тяготился, делал вид, что он может дать особый способ ведению дел по европейскому образцу, не принимал во внимание, что наша русская торговля того времени требовала более близких дружеских отношений и особого доверия друг к другу. А он сразу не поладил с клиентами Товарищества – азиатами, они начали его бояться и избегать, стремясь всеми силами вести деловые переговоры со мной, а не с ним. Придя в контору и узнав, что меня там нет, уходили, а если был, то, чтобы

⁸² Москвичи давно интересовались посевами хлопка, только изыскивали лицо, могшее двинуть это дело. В конце семидесятых годов прошлого столетия в Москву ежегодно приезжал перс для продажи своего хлопка. Он заинтересовал нескольких купцов, рассказывая им о громадных барышах от посевов хлопка; составила компания, собрали деньги и поручили персу произвести посев хлопка. Перс уехал. Через некоторое время его компаньоны получили телеграмму: хлопок посеян, всходы отличные, требуется окучка денег не хватает, переведите столько-то. Компаньоны потолковали между собой и решили перевести деньги. Через месяц получают опять телеграмму: рост хлопка лучше, чем ожидал, необходима вторая окучка и поливка, иначе хлопок пропадет, переведите столько-то. Компаньоны чувствуют, что завязли в этом деле, делать нечего: послали опять. В августе получают вновь телеграмму: урожай громадный, не хватает мешков для сбора и паковки, требуется прикупить тары, высылайте денег столько-то. Послали. Ждут прихода хлопка, но получают телеграмму: «Налетела саранча и весь хлопок пожрала!» Персиянин больше в Москву не приезжал, и, по наведенным справкам, хлопка он даже не сеял, а полученные деньги употребил на покупку для себя земли. Это мне сообщил Арсений Михайлович Капустин, бывший в числе компаньонов перса. Этот посев кончился комически.

⁸³ Земство – орган местного всесословного управления, введенного в ходе земской реформы 1864 г. по «Положению о губернских и уездных земских учреждениях». Ликвидировано в 1918 г.

⁸⁴ *Петербургское коммерческое училище* – среднее специальное учебное заведение для лиц всех сословий и вероисповеданий, с курсом обучения в 8 лет. Размещалось по адресу: Чернышев пер., д. 9.

⁸⁵ Крупный петербургский купец В.Ф. Громов, торговавший лесом в России и за границей, имел контору-представительство своей фирмы в Лондоне.

не попасть к Николаю Михайловичу, вызывали меня через артельщика или даже, открыв немного дверь, манили меня к себе пальцем.

Это бесило Николая Михайловича, предполагавшего, что все это проделывается с моего согласия, и он начинал попрекать меня: «Это ваши штучки! Все делается, чтобы меня унижить и оскорбить!»

Я запретил азиатам меня вызывать в переднюю и вызывающего приводил в правление и сажал к столу Н.М. Владимирова. После того они начали ловить меня на Бирже или на улице, при входе в правление, и, когда я предлагал им пойти со мной в правление, не шли, говоря: «Там бульно хузяин сердит!»

Отношения мои с Владимировым все-таки были хорошие. Как мне казалось, он сам понимал, что я не виновен в нерасположении к нему клиентов, и начал объяснять все это их дикостью и необразованностью.

Бывали с ним и такие случаи: иногда во время нашей мирной и дружеской беседы он вдруг начинал волноваться, лицо бледнело, глаза краснели, он повышал тон своего голоса, вдруг ударял рукой по столу, вскакивал и начинал упрекать в словах, которые я не произносил, и поступках, которые я не делал, и не прощаясь уходил из правления. На другой день приходил в правление, как ни в чем не бывало, подходил ко мне, любезно жал руку и просил извинения за вчерашнюю вспышку.

Николай Михайлович, прослуживший со мной несколько месяцев, начал в определенные часы уходить из правления, извиняясь и говоря: «Мне нужно навестить моего хорошего знакомого, я скоро вернусь». Однажды перед таким его уходом ко мне пришел бухарец и подарил мне шелковый халат, отличающийся пестротой окраски (полосы на нем были всех цветов радуги), но не лишенный красоты и оригинальности; я его преподнес Николаю Михайловичу. Он поблагодарил и очень им любовался, было видно, что мой подарок ему понравился. Он его тщательно завернул и взял с собой.

Вернувшись от своего знакомого, он сказал: «Надеюсь, вы на меня не обидитесь: я ваш подарок поднес моему знакомому, которому он очень понравился; я его все равно носить не стал бы и он у меня так бы и провалялся».

Вскоре мне пришлось узнать, что его «хороший знакомый» был один из членов правления в Московском Купеческом банке, устроивший его туда же в члены правления. Таким образом, мой подарок – особо пестрый халат – в некотором роде поспособствовал этому избранию его в правление.

Уход Н.М. Владимирова меня огорчил: кого еще Бог пошлет ко мне в товарищи? С ним было тяжело работать, но я смотрел на него как на нервного человека и этим многое ему извинял, все-таки он порядочный и честный человек.

Н.М. Владимир прослужил в Московском Купеческом банке несколько лет, но с ним случилась неприятная история. Однажды он разговаривал с каким-то служащим, тоже, нужно думать, с больными нервами; разговор у них шел сначала мирно и спокойно, но потом, как это бывало со мной, Владимир начал повышать голос, кричать, упрекая его в каких-то словах и делах, в которых он неповинен был; тот, возмущенный несправедливостью, в свою очередь разгорячился и ударил его кулаком в лицо. На другой день Николай Михайлович подошел к ударившему его служащему, протянул руку и просил извинения, считая себя виновным перед ним. Этим извинением инцидент был окончен, оба остались служить в банке, но Николай Михайлович на первом общем собрании акционеров принужден был отказаться от должности директора.

Владимиров, получая в банке хорошую тантьему⁸⁶, имел возможность сберечь известную сумму, на проценты с которой он потом и жил.

⁸⁶ *Тантьема* (от фр. *tantième* – часть) – вознаграждение, выплачиваемое в виде процента от прибыли администрации

Семья Н.М. Владимирова состояла из жены и дочери. Дочка у него была прехорошенькая, я видал ее, когда она с отцом и матерью приходила к своему родственнику, жившему в моем доме со мной на одном дворе. Владимиров после ухода из банка переехал на жительство за границу, ежегодно летом приезжая в Москву на непродолжительное время. В первые года своего приезда он меня постоянно навещал. Объяснял свой отъезд за границу желанием дать дочери хорошее образование, и, по его мнению, таковое образование можно получить только там благодаря изобилию и доступности публичных лекций, музеев, картинных галерей и т. п. Слушая его об этом, я не утерпел и сказал ему: «Вашей дочке кроме учения и жить хочется, иметь знакомых из своих сверстников, иметь привязанности – ведь это самая лучшая пора жизни для нее: молодость и не заметишь как пройдет!»

Мои слова его сильно взволновали, с пеной у рта начал доказывать неосновательность моих взглядов: думать и говорить так нельзя! Счастье человека только в учении и знании – и пошел, и пошел.... Я был не рад, что затеял этот разговор, а откровенно сказать, было жаль эту красивую девушку, погибающую из-за маньяка-отца.

После этого разговора он ко мне больше не приходил. Через год или два я встретил Николая Михайловича идущего по улице с дочкой. Он меня не заметил, а мне его останавливать не хотелось. Дочку его трудно было узнать: из красивой изящной девушки вышла измученная, с болезненным лицом, тусклыми глазами, небрежно одетая старая дева.

Глава 10

На освободившееся место директора был выбран Николай Иванович Решетников, интересный молодой человек приблизительно лет тридцати с чем-нибудь, стройный, с мягким, вкрадчивым обхождением, с большим лбом, с правильным красивым овалом лица, с черными гладкими причесанными волосами с боковым пробором, с глазами, старающимися изобразить искренность, но не выдерживающими упорного взгляда других. Всегда он был одет в отлично сшитый сюртук черного цвета; в черном шелковом галстуке торчала булавка с довольно крупным бриллиантом.

До этого Решетников был в деле отца, имевшего оптовую мануфактурную торговлю⁸⁷; почему он покинул ее, является тайной их семьи.

В первые месяцы нашего знакомства и работы меня сильно поражала его щедрость, переходящая в расточительность, конечно, проявлявшаяся для меня в то время только в мелочах. И это мне давало основания думать, что он хорошо материально обеспечен, что поднимало его значительно в моих глазах, особенно из-за тех лишений, которые предстояли ему в Азии. Я не мог думать, что получаемый им оклад жалованья в 20 тысяч рублей мог быть причиной его желания жить там. Видимо, он искал со мной более близких отношений, я в свою очередь рад был этому – сойтись с умным и изящным человеком и быть с ним в дружеских отношениях. До знакомства с ним я жил сравнительно просто и невзыскательно, довольствуясь всем, что имел, не мечтая и не требуя лучшего, выходящего из установившихся вкусов на внешнюю и обстановочную форму моей жизни.

Я старался Решетникову подражать во многом, и он был, так сказать, моим наставником по наведению буржуазного лоска: убедил в выгоде шить костюмы у лучших портных, обуваться у лучших сапожников и так далее.... Показал мне прелесть лучших ресторанов и даже дал возможность разбираться во всех тонкостях меню. До этого же я

коммерческого банка, акционерного общества или страховой компании.

⁸⁷ Отец Н.И. Решетникова Иван Степанович вел мануфактурную торговлю в Москве с 1888 г. под фирмой «И. С. Решетников и К^о».

довольствовался преимущественно второстепенными трактирами и был вполне доволен ими.

Вспоминаю, как он пригласил меня на обед во французский ресторан «Эрмитаж»⁸⁸ и угостил меня обедом, но так как я не был гурманом, то и не оценил в полной мере тонкости подаваемых блюд. В свою очередь – как реванш – и я пригласил его туда же обедать и, согласно своему вкусу и понятию, выбрал блюда: солянку из осетрины, поросенок заливной, гусь с капустой и на сладкое гурьевскую кашу. Вполне довольный тем, что выбрал, взглянул на Николая Ивановича, доволен ли он? Прочел в глазах его какой-то ужас, спросил его: «Быть может, вам это не нравится?» – «Нет, нет, пожалуйста! – ответил он страдальческим голосом. – Обед отличный, только очень сытный, не лучше ли вместо гурьевской каши взять... ну хотя бы... тарталетки, а то после такого обеда, пожалуй, не встанем со стула!»⁸⁹ Н.И. Решетников в последующих моих обедах инициативу выбора блюд всегда брал на себя, чем я весьма был доволен, нужно думать, боясь за свое здоровье из-за моего пристрастия к сытным блюдам.

Н.И. Решетников, вместо того чтобы поспешить скорее поехать в Азию, еще долго жил в Москве, объясняя тем, что нужно познакомиться с делами Товарищества. Приходил в правление довольно поздно, посидит часик или два, потом шли с ним завтракать, после чего расставались с ним до другого дня; иногда ходили вечером обедать в «Эрмитаж», после обеда ездили в «Яр» или «Стрельну»⁹⁰, чтобы послушать солисток. В это время я заметил его щедрость, но в ней не проглядывало желания сделать добро, а скорее, получить знаки внешнего почета, с намерением выставить себя богачом, смотрите: швырнуть несколько десятков или сотен рублей мне ничего не стоит! – и тем вызывая у присутствующих и от прислуживающих особое к себе почтение.

Наконец после нескольких месяцев он тронулся в путь. Из его писем я увидел, что им выбрано в Азии местопребывание – город Самарканд, который по красоте, мягкости климата, отличной воде может быть приравнен к Флоренции в Италии.

Несколько лет спустя обнаружилось, что избрание Самарканда постоянным местом жительства было большой ошибкой. Самаркандская область в смысле посевов хлопка не имела большого значения, и пребывание в нем главной конторы и хозяина дела не было полезным, так как развитие хлопководства особенно преуспевало в Ферганской области, где наши конкуренты поместили своих руководителей, с проживанием в городе Коканде.

⁸⁸ Ресторан и гостиницу «Эрмитаж» на Петровском бульваре, в д. 96 содержало основанное в 1883 г. Товарищество гостиницы «Эрмитаж Оливье».

⁸⁹ При воспоминании такого обеда мне невольно вспомнился рассказ Александра Федоровича Морокина, фабриканта из дер. Гальчиха. Он, будучи в Петербурге, был приглашен своим покупателем-французом обедать. Он рассказывал: «Хозяйка налила мне полтарелки супа, потом подали рыбу под соусом, после была курица с салатом и зелень – артишоки, название ее я узнал уже после. В это время, рассказывая о чем-то француз, увлекся разговором, не обратив внимания, как едят артишок. Разрезал его на четыре части и одну из частей положил в рот. Жую – колет! Выплюнуть неловко – осудят! Продолжаю жевать.... А напротив меня сидит постреленок – сынишка француз, схватил салфетку, да в нее фпр!.. фпр!.. Смотрю: дело что-то неладно. Поглядел на француз, а он отрывает по листику от артишока, обмакивает в соус, положит в рот да облизывает; говорю: “Извините, в первый раз в жизни ел эту зелень, если бы не ваш сынок, которого я так рассмешил, то ушел бы, не зная обращения с нею”». После обеда, посидев немного, от француз отправился напрямик в трактир Палкина, где и заказал по своему вкусу обед: борщ с мясом и сметаной, баранину с кашей, ну, после этого насытился. Француз как-то после приехал в Москву. «Я, – говорит Александр Федорович, – пригласил его обедать и повел к Арсентьичу, в трактир, славившийся готовкой русских простых блюд. Заказал суп-рассольник из гусиных потрохов, белугу с хреном и огурчиками, а потом жареный поросенок с гречневой кашей, а на сладкое – гурьевскую кашу. Француз чуть-чуть покушает да отставляет тарелку, а я ему говорю: «Нет, не хорошо – кушай, как следует! Я у тебя обедал, не стеснялся,... и ты не должен меня обижать!» Так и принуждал кушать все блюда. Сговорились завтра повидаться. Француз не пришел. На другой день пошел к нему в гостиницу. А француз, бедный, лежит больной, уверял, что это случилось от несварения желудка, так и провалялся в кровати дней десять!»

⁹⁰ «Яр» и «Стрельна» – фешенебельные ночные рестораны в Петровском парке в Москве.

В Самарканде Николай Иванович купил на свое имя землю, построил дом, развел виноградники, устроил отличный подвал для вина, стал устраивать приемы и зажил весело⁹¹. Вместо того чтобы во время сезона покупки хлопка присутствовать в главных пунктах скупки его, он жил в Самарканде, а значительную часть времени уделял на поездки в Ташкент для бесполезных визитов к генерал-губернатору и другим важным чиновникам, объясняя свои визиты тем, что они будто бы необходимы для успешной работы в этом крае. То же его посещение эмира бухарского, сопряженное с довольно большими расходами за счет Товарищества, с трудной и крайне неприятной поездкой верхом на лошади в дачную резиденцию эмира, находящуюся в десяти верстах от Бухары. Ехать ему пришлось в вышитом золотом мундире, в треуголке, присвоенной какому-то благотворительному учреждению, где Николай Иванович был членом-жертвователем; и только для того, чтобы получить от эмира ответные подарки в виде халатов, ковров, рысаков и еще чего-нибудь вроде этого. Все это его интересовало и забавляло, между тем его подчиненные, осведомленные о его путешествиях, успешно набивали свои карманы.

И действительно, положение дел в Средней Азии под его руководством не улучшалось, а, скорее, ухудшалось. Пришлось закрыть мануфактурную торговлю и торговлю другими товарами. Составленный отчет показал, что значительная часть капитала Товарищества потеряна. И вот в это время совершенно неожиданно получаем от Решетникова известие о необходимости приехать в Москву для решения разных вопросов. Приезд его был желателен, чтобы совместно рассмотреть баланс, сделать переоценку имущества, товаров и должников.

Николай Иванович, сообщая о своей жизни в Азии, о местных делах, надеждах и тому подобном, между прочим рассказал, что Н.П. Кудрин страдал запоем, что мне не было известно, и он, путешествуя по Азии, все время был в невменяемом состоянии. Увлечение Азией у Николая Ивановича было ничуть не менее, чем у Кудрина, он тоже восхищался ею и очень обвинял меня, что смотрю на дело Среднеазиатского товарищества очень пессимистично; упрекал, что моя оценка капитала Товарищества в 200 тысяч рублей неестественно мала.

Приступив к оценке имущества и долгов, я указал на повышенную стоимость недвижимости и на то, что с векселей дебиторов придется сделать большую скидку, так как многие по ним не заплатят. Он меня убеждал, что я не прав, употребляя такие методы к моему вразумлению: «Вы находите, что стоимость такого-то завода в сорок тысяч рублей дорога? Хорошо, оставьте его за мной за эту цену! Этот вексель находите безнадежным? Я оставляю его за собой в пятьдесят процентов!» – и т. д. Не мог же я с ним настойчиво спорить. Он видел все своими глазами и знает положение среднеазиатского рынка, несомненно, лучше меня, но все-таки один из безнадежных векселей я согласился оставить за ним. Он немедленно согласился, сказав, что деньги за него внесет на днях. Но это обещание осталось обещанием: деньги не внес. И несмотря на таковую оценку, определили размер оставшегося капитала в 400 тысяч рублей.

Согласно уставу Товарищества, если потеряны 2/5 части капитала, то Товарищество должно быть ликвидировано, если не последует желания со стороны пайщиков пополнить его. Правлением были приглашены крупные и влиятельные пайщики для обсуждения создавшегося положения. Они пришли к выводу: ликвидировать дело жаль, так как все-таки

⁹¹ Решетникову, чтобы приобрести достаточное количество земли в одной меже для виноградника, пришлось скупать у многих владельцев небольшими участками; один из бухарцев, хозяин земли, вдававшейся в глубь владения Николая Ивановича, не пожелал продать свою землю, несмотря на то что ему давали высокую плату за его участок и предлагали другой участок в лучшем месте, но бухарец ни на какие уступки не шел. Тогда кто-то из доброжелателей Решетникова посоветовал завести свинарник, построив его на меже несговорчивого магометанина, и завести свиней. Было так и сделано и имело большой успех: правоверный не мог перенести близость поганных животных и немедленно продал землю.

оно жизненно; желающих добавлять капитал не окажется, просить об уменьшении капитала до 400 тысяч рублей – понятно, со стороны Министерства финансов последует отказ, как против действия, нарушающего устав Товарищества, высочайше утвержденного; таковое нарушение устава может последовать не иначе, как только с разрешения государя.

Пользуясь случаем, что среди пайщиков имеется князь А.С. Долгоруков, благодаря его протекции можно надеяться, что разрешение от государя можно будет получить, и в короткое время.хлопоты по этому делу поручить мне. Это постановление состоялось в зиму 1888/89 годов.

Н.П. Кудрин, взбудораживший высшие круги правительства своими повествованиями об Азии, заставил ускорить постройку Среднеазиатской железной дороги⁹², и в 1888 году состоялось назначение генерала Анненкова строителем ее. Анненков, проезжая в Среднюю Азию, остановился на некоторое время в Москве; он, будучи с визитом у Аполлона Александровича Майкова, бывшего директора императорских театров, и узнав от него, что он знаком со мной, просил привести меня к нему. Из всего разговора с ним я понял, что он интересуется первоначальным пунктом направления стройки: дорогу можно было вести из Оренбурга до Ташкента или же от Красноводска, порта Каспийского моря, до Бухары, и какое из этих направлений было бы более приемлемо для торговли. Я утверждал, что постройка через Оренбург, конечно, будет удобнее по следующим соображениям: не потребуются ни больших земляных работ, ни длинных мостов. Он возразил мне, что строить параллельно лошадиному тракту, где существует большое грузовое движение, не будет удобно и они будут мешать друг другу.

Скоро стало известно, что Анненков начал строить железную дорогу от Каспийского моря, выбрав порт на Каспийском море Узун-Ада. Дорога проходила по перемещающимся пескам, тянувшимся более трехсот верст, без воды, перевозимой на железнодорожных платформах в громадных деревянных баках; с громадным мостом в версту длиной.

Многие объясняли таковой его выбор следующим: пожалованные государем Кудрину 150 тысяч десятин при Мургабе после его кончины были переведены в собственность кабинета его величества, начиналась постройка плотины для орошения этой площади, а потому, чтобы удешевить постройку ее, Анненков поспешил постройкой в этом месте железной дороги, чтобы угодить лицам, поставленным во главе сооружения плотины. Другие объясняли причину, что стройка в этом направлении обошлась государству значительно дороже, чем бы она прошла от Оренбурга, это было выгодно для личных интересов господ инженеров-путейцев, редкие из которых пользовались добросовестной репутацией.

Потом на практике выяснилось, что путь от Каспийского моря послужил успешному выходу негодных элементов Кавказа и Кубанской области в лице армян, греков и других национальностей, захвативших торговлю в свои руки, с усвоенными ими приемами обмана и надувательства, с успешным укоренением этих пороков у местных жителей, не испорченных еще цивилизацией.

Глава 11

Г.К. Гофмейстер дал мне письмо к личному секретарю князя А.С. Долгорукова Дмитрию Никитичу Иванову, к которому я поехал в Петербург и познакомился с ним. Иванов обещался немедленно доложить о моей просьбе князю и о результате доклада мне сообщить.

⁹² Закаспийская (Среднеазиатская) казенная железная дорога от ст. Узун-Ада до ст. Самарканд была построена в 1880–1888 гг., ее отдельные участки до ст. Кушка и Наманган строились вплоть до 1900 г.

С князем Александром Сергеевичем я познакомился вскоре после смерти Н.П. Кудрина. Долгоруков приехал в Москву, остановился в гостинице «Дрезден»⁹³, находящейся против генерал-губернаторского дома, прислал мне сказать, чтобы я побывал у него. Князь был высокого роста, стройный, с большой проседью, носил бакенбарды, с милыми и добрыми глазами, дающими право думать о его доброте.

Александр Сергеевич меня принял немедленно после доклада ему Иванова, в своей квартире на Миллионной улице. Лакей ввел меня в гостиную, поразившую меня своей величиной и красотой убранства. Она была заставлена вся мебелью разных стилей, образующей уютные уголки, с диванчиками, креслами, стульчиками, пуфами, столиками с вазами и статуэтками. Как мне потом передавали, такое убранство гостиных – мебелью разных стилей – было последним словом моды.

Я только начал внимательно осматривать красивую комнату, как князь вошел в дверь с противоположной стороны, и я поспешил пойти к нему, но это нужно было сделать с большой ловкостью, лавируя между мебелью, с ужасом думая: не уронить или не опрокинуть что-нибудь.

Князь любезно поздоровался и предложил мне сесть. Я высказал ему все о создавшемся положении с Товариществом и просил посодействовать нашей просьбе. Внимательно выслушав, князь сказал: такой выход – и он находит – будет правильным; обещался переговорить с министром двора Воронцовым-Дашковым и министром финансов Вышнеградским. Посоветовал остаться в Петербурге на некоторое время, чтобы представиться министру двора, от которого многое зависит, чтобы наше ходатайство осуществилось.

На другой день Д.Н. Иванов заехал ко мне и сказал, что князь Александр Сергеевич переговорил с министром двора и он на днях меня примет. Дал совет, чтобы я съездил в канцелярию министра, где бы и узнал, когда и в какой день мне это будет назначено. Я начал ежедневно обивать пороги канцелярии министра с получением постоянного ответа: сегодня принять не могут, приходите завтра....

Целую неделю я ожидал приема; наконец мне это хождение сильно надоело: жить без работы и семьи, не имея знакомых, в скучном для меня городе. Решился поехать на квартиру к Д.Н. Иванову. «Скажите, Дмитрий Никитич, что все это значит? Министр двора принимает многих, а мне не может уделить каких-нибудь несколько минут». – «Да что вы, батенька! – последовал ответ. – Представиться министру двора и затратить на это семь – четырнадцать суток – мало. Другие добиваются годами и не могут попасть».

Я печальным голосом спросил Дмитрия Никитича: «Сегодня в газетах сообщалось, что только что приехавший из Москвы Губонин был принят министром, так почему же он меня-то принять не может?» – «У Губонина мощна большая, если бы у вас была такая, то и вас принял бы давно! Помните: если вас министр примет – дело ваше в шляпе!»

Наконец, через трое суток после этого разговора, в канцелярии мне сообщили: «Будьте завтра в шесть часов утра, смотрите не опоздайте!»

На другой день без нескольких минут шесть я был у дверей министра. Швейцар по звонку вызвал лакея, препроводившего меня в приемную, обставленную тяжелой кабинетной мебелью, обитой кожей. Немного спустя тот же лакей прошел с подносом, на котором стоял кофейник, молочник, на тарелках лежало масло, хлеб и два яйца. Возвратясь, он предложил мне пожаловать к князю в кабинет. Воронцов-Дашков сидел около окна за маленьким столиком и пил кофе. Приветливо со мной поздоровался, указав рукой на кресло, стоящее у двери, через которую я вошел.

⁹³ Гостиница «Дрезден» находилась на Тверской ул., в д. 28 (не сохранился).

«Скажите, вы бывали в Азии?» – «Нет, ваше сиятельство!» – «Жаль! Я был там при завоевании ее генералом Скобелевым⁹⁴ и хорошо ее знаю». Спросил меня кое-что о Товариществе и, отпуская меня, сказал: «Я переговорю с государем и о результате сообщу князю Александру Сергеевичу Долгорукову».

Поехал опять к Иванову и подробно рассказал ему нашу беседу с министром и очень просил его, как только будет известен результат нашего ходатайства у государя, то прислать мне в Москву телеграмму. Вскоре я получил телеграмму от Д.Н. Иванова, вызывающего меня в С.-Петербург к А.С. Долгорукову.

Немедленно выехал и явился к князю. Он сообщил: «Государю было благоугодно выслушать князя Воронцова-Дашкова о вашем ходатайстве, и он изволил сочувственно отнестись к нему и высказал, что ничего не будет иметь против, если последует доклад к нему со стороны министра финансов о желательности продолжения дел Товарищества». Причем князь прибавил: «Я уже с Вышнеградским переговорил и подробно рассказал о вашем деле; Вышнеградский пожелал, чтобы вы у него побывали, как только приедете в Петербург». Отправился к Вышнеградскому в день и часы его приемов. Генерал во фраке и с двумя звездами меня выслушал, записал мою фамилию и о чем я предполагаю говорить с министром. Через некоторое время он ко мне подошел и сказал: «Министр вас примет сегодня, по окончании приема всех ему представляющихся; говорите кратко, времени у министра мало; надо, чтобы все, что вы будете говорить, уместилось в пяти минутах времени».

Приемная была наполнена лицами в парадных формах и орденах.

Первым был принят какой-то из великих князей, за ним какой-то генерал-губернатор, а за ними пошли лица по степеням их служебного положения. Наконец очередь дошла и до меня. Вошел в кабинет, около письменного стола стоял высокий, бодрый старик, с умными и проницательными глазами, в очках. Когда я начал докладывать, он меня прервал: «Я уже слышал об этом деле от министра двора и князя А.С. Долгорукова, а потому отправляйтесь в Департамент торговли и мануфактур и повидайте директора департамента Бера и скажите ему, что присланы мною с просьбой выслушать о вашем деле для ходатайства об уменьшении основного капитала, чтобы по этому поводу я мог своевременно сделать доклад государю императору».

На другой день в час дня я был в департаменте и по прибытии Бера немедленно был принят им. Директор выслушал меня очень внимательно, расспрашивал, как могло случиться, что наше дело стало известным государю. Позвонил и вошедшему курьеру сказал: «Попросите ко мне господина Голубева» (отчество и имя забыл)⁹⁵.

Явившемуся Голубеву – с виду еще сравнительно молодому человеку, лет 32–35 – представил меня, сказав:

– По распоряжению господина министра прошу вас заняться делом господина Варенцова, и постарайтесь дать делу ход в спешном порядке, вне очереди!

– Я не понимаю, ваше превосходительство, – ответил Голубев, – как понимать это «вне очереди»? Значит, остановить всю текущую работу департамента и только заняться этой?

– Нет, нет! – последовал ответ. – Как можно бросить текущую работу, понятно, нельзя, но проведите их дело в ускоренном порядке, найдутся же дела, которые могли бы быть отложены на некоторое время?

Голубев склонил с почтительным видом голову, но со злыми глазами ответил:

⁹⁴ Н.А. Варенцов допускает неточность: И.И. Воронцов-Дашков служил в Туркестане и участвовал в военных операциях в 1865–1867 гг. М. Д. Скобелев находился на службе в Туркестане позднее, с 1868 по 1876 г. и в 1880–1881 гг. См.: Хроника жизни «белого генерала» М. Д. Скобелева // Московский журнал. 1993. № 9. С. 3.

⁹⁵ Речь идет о Голубеве Алексее Федоровиче, столоначальнике департамента неокладных сборов Министерства финансов.

– Буду очень рад, если ваше превосходительство просмотрит все дела в производстве и укажет, которые из дел будут не особенно важные и терпящие задержку.

Бер, нужно думать, мягкий и добрый человек, ответил:

– Слушайте! Этим делом интересуется государь, министр просил меня производством его ускорить, тогда, понимаете, нужно исполнить!

– Слушаюсь, ваше превосходительство! Все, что от меня зависит, будет сделано!

Бер обратился ко мне:

– Прошу вас, пойдите с господином Голубевым и ему все расскажите.

Голубев подвел меня к своему столу, указал на стул, сказав:

– Вот настало времечко! Господа купцы начали лазить к государю, министрам и нас будоражить, заваленных работой по горло.

И, указав мне на кипу бумаг в три четверти аршина вышины, лежащих у него на столе, прибавил:

– И это все дела, требующие немедленно разрешения для государственного строительства, а вы – ради своего ничтожного дела – хотите приостановить их в угоду вашим желаниям. Что же-с, будем делать вне очереди!

Позвал какого-то чиновника и сказал мне:

– Изложите ему ваше дело, и он составит вам бумагу по форме, как следует, а не так, как вами написано.

Повел меня этот чиновник в какую-то комнатку, усадил за стол. Я рассказал подробно о нашем деле и что нам требуется. Он выслушал, покачал головой и сказал:

– Ох, молодой человек, молодой человек! И как неопытны вы! Никогда не начинайте с головы, а с ног, и поверьте: было бы все сделано скорее!

И он был прав! Чиновники затянули дело, и наше ходатайство получило разрешение только через два года.

Совет этого чиновника в дальнейшем мне был весьма полезен, я потом никогда не обращался сначала к высокопоставленным лицам, хотя имел для этого возможность, а начинал всегда с маленьких чиновников и с их помощью заканчивал дела гораздо скорее и успешнее, чем, как, например, в этом деле с громадными протекциями и связями.

Если бы разрешение нашего ходатайства через князя А.С. Долгорукова было бы устроено в течение трех-четырех месяцев, то есть как предполагали пайщики, то, несомненно, Среднеазиатское товарищество было бы восстановлено и благодаря кредиту могло бы продолжать свои комиссионные операции, но разрешение, затянувшееся на два года в дебрях департаментской чиновной казуистики, определило, что Товарищество не может продолжать дело за свой риск и страх из-за своего неопределенного положения.

Глава 12

Н.И. Решетников в моих глазах постепенно терял ту обаятельность, которая привлекала меня к нему в первые месяцы нашего знакомства; пришлось заметить, что он не такой крупный человек, как мне казался. Некоторые его черты, как-то: умение сходитьсь с людьми разных противоположных характеров, его проявления инициативы – изливались лишь в болтовне и красивых фразах, дальше не шли, и сильное увлечение самим собой давало основания думать, что из него не выйдет большого коммерческого дельца. Все эти наблюдения, роившиеся в моей голове, все еще с некоторыми колебаниями и сомнениями, были потом подтверждены его приятелем А.Г. Стротером, хорошо его знавшим.

Среднеазиатское товарищество, находившееся всецело в зависимости от его труда и способностей, как руководителя всех контор в Средней Азии, очень мало зависело от меня, и я лично не мог проявлять в нем особой своей деятельности, чтобы оно шло в желаемом

мною направлении, а потому я был чрезвычайно рад, когда в апреле 1889 года мне было предложено вступить в Московское Торгово-промышленное товарищество в качестве руководителя по операциям со среднеазиатским хлопком. Московское Торгово-промышленное товарищество, открывая торговлю азиатским хлопком, поручило Среднеазиатскому товариществу покупку для него хлопка в Средней Азии на комиссионных началах, снабжая его для этой цели деньгами, но, чтобы деньги не могли быть расходуемы для других каких-нибудь надобностей, мне пришлось остаться в Среднеазиатском товариществе в качестве контролирующего директора.

Среднеазиатское товарищество за неимением оборотного капитала принуждено было прекратить комиссионное дело и с этим вместе значительно сократить весь правленский аппарат. При увольнении служащих случилось большое несчастье: конторщик, старик лет 65, по фамилии Дейнике, на другой день после его сокращения пришел в Товарищество и застрелился. При сокращении его принималось во внимание, что у него имеются двое сыновей с высшим образованием и хорошо зарабатывающих, он о них отзывался с большими похвалами и гордился ими, из чего можно было заключить, что ими брошен он не будет. Как потом обнаружилось, Дейнике с сыновьями не ладил из-за их матери, с которой он разошелся, обзаведясь другой семьей.

Это событие произвело на меня весьма тяжелое впечатление и преследовало почти всю жизнь, я винил себя, что не отнесся к этому с должной внимательностью, как бы это следовало сделать в данном случае.

Случилось это вскоре после на шумевшего дела австрийского наследника принца Рудольфа, который застрелил себя, предварительно убив свою возлюбленную Вечеру⁹⁶. Событие это волновало все общество, всюду о нем много говорили. Зайдя как-то в бухгалтерию во время завтрака служащих, мне пришлось услышать разговор по этому поводу, происходивший в соседней комнате – столовой. Дейнике сильно обвинял Рудольфа в лишении себя жизни, по его мнению, это есть наивысшее преступление против духовных законов христианина. И очень образно рисовал состояние души Рудольфа на том свете, где злые духи подпаливают его на горячих углях. Можно ли было думать, что через несколько дней Дейнике сделает то же самое?

1889 год по поступлению хлопка из местных семян был весьма хороший, но приходил хлопок с большим опозданием, провесом и окрайками⁹⁷; размещать его приходилось в разных складах, находящихся в четырех отдаленных друг от друга местах. Цена ему еще держалась довольно устойчиво, но покупателей на него было мало: покупатели учитывали положение и по возможности удерживались от покупок хлопка из местных семян. Но чувствовалось, что цена существующая не может на него удержаться, и как мы, так и наши конкуренты не имели духа сразу спустить цену на хлопок, а каждый выжидал другого, чтобы в понижении цен не быть в числе первых и владельцы хлопка, давшие его на комиссию, не могли бы обвинить их в неосторожной сделке.

Я случайно встретил биржевого маклера Алексея Яковлевича Вернера, работавшего вместе с Федором Егоровичем Шлихтерманом. Вернер сообщил, что брат его компаньона, известный прядильщик Егор Егорович Шлихтерман⁹⁸, готов купить большую партию

⁹⁶ 30 января 1889 г. в замке Майерлинг, близ Вены, эрцгерцог Рудольф, престолонаследник дома Габсбургов, застрелил свою юную фаворитку Марию Вечеру и покончил с собой. Причины и обстоятельства этой романтической трагедии, взволновавшей все европейское общество, до сих пор остаются невыясненными. См.: *Барт И.* Незадачливая судьба кронпринца Рудольфа. М., 1988. С. 213–216 (послесловие Т. Исламова). О широком обсуждении венских событий русским обществом писал также П.И. Щукин: «В 1889 году много говорили о трагической смерти австрийского кронпринца Рудольфа и его возлюбленной, 18-летней девицы Марии Вечеры» (*Щукин П.И.* Воспоминания. М., 1912. Ч. 4. С. 32).

⁹⁷ *Окрайка* – загрязненные при транспортировке и хранении поверхностные слои хлопкового сырья, упакованного в тюки или кипы.

⁹⁸ Е.Е. Шлихтерману принадлежали прядильные фабрики в Москве и Московской губ., входившие в состав Торгового

хлопка, если с цены будет уступлено. Я сказал, что готов уступить, если Шлихтерман купит большую партию не меньше 5 тысяч кип.

Знакомство с Е.Е. Шлихтерманом состоялось в отдельном кабинете ресторана Тестова⁹⁹. Е.Е. Шлихтерман мне не понравился по своей напыщенности и хитрости, держал себя как настоящий пруссак; так сквозило во всех чертах его лица: один народ – немцы, а остальные – навоз для удобрения земли для процветания немецкой нации. К нему очень применимо название «бош», данное им французами во время войны 1914 года; слово «бош», как я понимаю, – наглый, заносчивый и злой мальчишка.

Предложенная Е.Е. Шлихтерманом цена меня сильно ошеломила, я заранее обдумал, до какой уступки мог бы я идти, но предложенная им цена значительно была ниже моих предположений. Я сидел красный, даже пот на лбу выступил от такой неожиданности, но какая-то внутренняя сила понуждала меня действовать решительно и не уклоняться от сделки. Я сильно торговался, но работающая в голове мысль настойчиво убеждала: кончить, на другой день уже будет поздно! Наконец я протянул дрожащую руку и согласился. Нужно быть художником, чтобы описать торжество этого «боша», выразившееся на лице его, обращенном к брату: ну, что я тебе говорил! как же могло быть иначе! Мог ли русский, да еще мальчишка, противустоять против настоящего немца!

Единственное мое условие – сохранить в тайне сделки, – конечно, не исполнил. На другой же день Биржа¹⁰⁰ о ней узнала. Но его же хвастовство послужило ему во вред: мой смелый шаг решил участь цены хлопка, наши конкуренты бросились продавать хлопок по цене более дешевой, чем продал я, с неукоснительным ежедневным понижением. Шлихтерман принимал от нас вторую половину партии, а цена на хлопок была уже значительно ниже, чем тогда, когда он купил. Вышло так, что в дураках оказался «бош»!

Сдача хлопка происходила при чрезвычайно тяжелых условиях: Шлихтерман рвал и метал! Его приемщики требовали невероятную скидку за сырость, окрайки и придирались ко всему, что только было возможно, чтобы хотя этим покрыть убыток от цены, сильно к этому времени понизившейся. Наши сдатчики, учитывая создавшееся положение, торговались почти до кровавого пота, но не давали возможности Шлихтерману найти повод к расторжению сделки. Наш лучший сдатчик Григорий Михайлович Грибков обладал настойчивостью и большим тактом ладить с покупателями, но и он был измучен приемкой Шлихтермана и неоднократно просил меня уволить его от сдачи и передать ее кому-нибудь другому.

Шлихтерман приезжал ежедневно на склад и уже одним своим присутствием угнетал как своих приемщиков, так и наших сдатчиков. Однажды приехавший на склад Гука на Старой Басманной¹⁰¹ Шлихтерман быстро подошел к весам и взял все гири, отправившись с ними и со своими служащими в соседнюю лавочку, где перевесил их. В одной из маленьких гирь вес оказался меньше, чем следует, из-за выпада свинцового довеска, обыкновенно после отливки гирь дополняющего их до определенного веса. Грибков и другие артельщики заявили при составлении протокола, что эта гиря не наша, что она кем-нибудь подброшена,

дома «Е. Е. Шлихтерман».

⁹⁹ В 1880-х гг. в Москве был популярен Большой Патрикеевский трактир И.Я. Тестова, на углу Воскресенской и Театральной площадей, славившийся своей русской кухней. При сыновьях И.Я. Тестова трактир был переименован в ресторан. Здание не сохранилось.

¹⁰⁰ Имеется в виду Московская товарная и фондовая биржа, основанная в 1839 г. в здании на углу ул. Ильинки и Рыбного пер. Была местом заключения сделок на товарную продукцию, котировки ценных бумаг. Лица, производившие торговлю на бирже, составляли Московское биржевое общество.

¹⁰¹ Склад Торгового дома «Ю. Гук и К^о» размещался по адресу: Старая Басманная ул., д. 19 (здание сохранилось).

так как весь комплект гирь находится налицо и помещается в особых ящиках. Все это было проверено помощником пристава¹⁰², составлявшим протокол.

Грибкова привлекли к суду у мирового¹⁰³, который, рассмотрев дело, признал Грибкова невиновным. Шлихтерман на этом не успокоился: подал заявление обер-полицмейстеру с жалобой на помощника пристава, обвиняя его в принятии взятки. Обер-полицмейстер¹⁰⁴, получив такое заявление, принужден был передать жалобу Шлихтермана в суд. Фамилию помощника пристава я забыл, но звали его Александр Николаевич¹⁰⁵, с ним я имел дела, так как в его участке находился мой доходный дом. Он был слабого здоровья, со всеми обращавшимися к нему был любезен и, как мне казалось, на фоне полицейских чиновников выделялся как белое пятно, и про него можно сказать: попался, как курица в щи! Взятки ему не давали, да и не за что было давать. Склады находились в ведении артели, с письменным от них ручательством, что за все последствия от беспорядков и неурядицы ответственны они. Ясно было видно, что Шлихтерман добивался скандала, с целью расторгнуть договор, ставший ему очень невыгодным.

На здоровье помощника пристава признание его суду сильно подействовало, и вскоре после процесса он скончался.

День суда настал. Шлихтерман со своими служащими прибыл в суд своевременно. Суд вышел. Председатель суда прочел все дела, подлежащие рассмотрению на этот день, и дело помощника пристава было четвертым. Шлихтерману сидеть в суде и слушать дела не хотелось, он отправился со своими свидетелями пить пиво в буфет. Пока он сидел там, первое дело окончилось, второе и третье дела по каким-то причинам отложены, началось слушание дела помощника пристава. Председатель вызывает обвинителя Шлихтермана и его свидетеля Малышева. В зале их не оказалось. Суд постановил: за неявкой обвинителя и свидетелей считать дело помощника пристава прекращенным. Суд продолжал рассматривать следующие дела. Явившийся Шлихтерман занял место в публике, ожидая своего дела.

Окончивши все дела, суд встал, чтобы удалиться. Шлихтерман начал кричать: «Господин председатель! Почему же мое дело не рассматривается?» Председатель, выяснив, о каком деле он говорит, ответил: «Обвинителя по нему своевременно вызывали, в зале суда его не оказалось, а потому дело постановлено прекратить». – «Я был в суде – в буфете!» Последовал ответ: «Нужно было быть не в буфете, а в зале суда!»

Грибков, бывший на суде, рассказывал мне, что со Шлихтерманом чуть не сделался удар, был красен как рак и при выходе из зала суда ругал суд и всех русских за их порядки.

Шлихтермановский свидетель Малышев был единственным русским служащим в конторе Шлихтермана, и держал он его только за то, что Малышев отлично говорил по-немецки. Вскоре после процесса Шлихтерман его уволил; Малышев пришел просить, чтобы я взял его на службу в Товарищество, и объяснял свое увольнение только тем, что он русский. И рассказал мне, что, когда я приходил в контору Шлихтермана, тот, пользуясь тем, что я не понимал по-немецки, поносил всех русских, и в том же числе и меня, называя нас «свиньями» и тому подобными наименованиями. Я сказал Малышеву: «Как же вы, будучи русским и понимая, что он говорит, допустили это?» – «Что я мог делать? Скажи что-нибудь, он меня немедленно бы уволил».

Прошло после этого полгода, мне Грибков сообщил, что подбросил гирю один из бывших наших служащих на складе, которого я за какие-то проступки уволил со службы, и он,

¹⁰² *Помощник пристава* – должностное лицо Московской городской полиции, помощник участкового пристава, надзиравшего за одним из 40 полицейских участков города.

¹⁰³ *Мировой судья* – должностное лицо, избираемое городской думой для единоличного рассмотрения мелких уголовных и гражданских дел в мировом судопроизводстве в 1864–1889 и 1912–1917 гг. в Москве.

¹⁰⁴ Московским обер-полицмейстером в 1896–1905 гг. был Дмитрий Федорович Трепов.

¹⁰⁵ *Александр Николаевич Шперлинг* служил помощником пристава 2-го участка Басманной части в 1899–1901 гг.

желая отомстить за свое увольнение, подбросил гирю и о том сообщил Шлихтерману. Виновик этой неприятности рассказал это какому-то своему приятелю, служившему в Товариществе, во время их кутежа в портерной.

Глава 13

Ко мне в Московское Торгово-промышленное товарищество часто заходил биржевой маклер Алексей Александрович Майтов, рассчитывая от меня получить поручение на продажу русского хлопка. Раньше, до вступления в Товарищество Руперти, он делал здесь большие дела; Руперти устранил его из Товарищества, и с моим вступлением он думал опять втереться в него, стараясь как можно ближе сойтись со мной.

Майтов на маклерстве нажил довольно большие деньги, как он сам говорил, около полумиллиона рублей, считая в том числе дом его на Софийской набережной, выходящий на Москву-реку, а другой стороной на «канаву»¹⁰⁶. Успех этот вскружил ему голову, он начал манкировать своим делом, часто уезжал за границу и в свое имение. И это сказалось в будущем: его клиентуру перехватили более энергичные маклеры, а следовательно, и те доходы, которые он имел.

В одно из своих посещений Москвы Н.И. Решетников однажды зашел ко мне в Товарищество, как раз когда у меня сидел А.А. Майтов. Я их познакомил. Н.И. Решетников начал восхвалять Азию, рисуя ее громадную будущность в хлопковом деле, причем не стеснялся рассказывать о Среднеазиатском товариществе, предвещая ему большой успех, и этими рассказами он разжег у Майтова его слабость – страсть найти товарищество, где бы он мог сделаться единственным продавцом. После этого Майтов начал ходить в Среднеазиатское товарищество к Н.И. Решетникову, с которым близко подружился. Дружба их вылилась в то, что Майтов пожелал купить паев Среднеазиатского товарищества, в это время сильно подешевевших, а Николай Иванович способствовал в покупке их.

Когда я узнал, что Майтов начал их скупать в значительном количестве у фабрикантов, поставивших на них давно уже крест, я, сочувствуя Майтову, дал ему понять, что скупка паев в данное время преждевременна. Отлично учитывал, что дела Среднеазиатского товарищества под управлением Решетникова не пойдут хорошо. Предполагал, что он примет мое замечание к сведению и будет осмотрительнее, а вышло наоборот: он чистосердечно передал мои слова Решетникову, который тоже в свою очередь дал ему понять, что это говорится мною, может быть, с целью скупить пай для себя, а Майтов в этом случае мешает мне. Алексей Александрович поверил ему и еще больше усилил скупку и сделался одним из самых больших пайщиков Среднеазиатского товарищества и вместе с тем большим приятелем Решетникова, подпавши вполне под его влияние.

Как-то раз беседовали втроем Решетников, Майтов и я, Майтов рассказал нам, что он и его жена увлекаются спиритизмом, что у них составилась кружок лиц, в котором участвуют граф Олсуфьев, [В.А.] Хлудов, архитектор Соколов и еще кое-кто. На этих сеансах бывают поразительные явления; между прочим, предложил нам приехать к нему и принять участие в сеансах. Решетников с радостью согласился и начал меня убеждать поехать к Алексею Александровичу. Майтовым был назначен день, когда мы должны были к нему приехать. В назначенный день мы ехали к нему на извозчике, от души потешаясь над сеансами, изображая, как все это будет комично и смешно.

¹⁰⁶ «Канавы» – водоотводный канал для сброса паводковых вод, проложенный через низинные участки Замоскворечья в 1783–1786 гг.

Когда приехали, уже застали собравшийся кружок лиц. Сеанс полностью не удался, сидели около часу, и ничего не вышло. Олсуфьев и Хлудов уехали, оставшиеся были приглашены милой и изящной хозяйкой Софьей Владимировной пообедать.

После обеда хозяин, Решетников и я пошли в гостиную и начали продолжать заниматься спиритизмом, остальные гости остались в столовой. Майтов положил на стол овальной формы из красивого дерева лист белой бумаги, сели вокруг этого стола, составив из рук цепь. В руке Решетникова находился карандаш, и все молча углубились в ожидание. Карандаш скоро что-то начал писать, тогда Майтов обратился к мнимому духу с просьбой сообщить свое имя. Карандаш написал: «Мария». – «Как отчество?» – «Николаевна». – «Фамилия?» – «Самойленко». Последний вопрос повторялся три раза, так как фамилия Самойленко для нас всех троих была неизвестна, но ответ получался все тот же.

Тогда, после третьего переспроса, я вспомнил, что у меня была тетка Мария Николаевна Самойленко, которую я видел только в течение трех дней ее пребывания в Москве, когда она приехала из Варшавы, чтобы повидать своего отца, и остановилась у нас; она осталась у меня в памяти только из-за хорошего подарка, врученного мне при отъезде, я был тогда в возрасте шести-семи лет. Потом, когда мне исполнилось восемнадцать лет, мой дядя Николай Николаевич сказал мне: «Умерла моя сестра Мария Николаевна в Варшаве, в психиатрической больнице Св. Иисуса. Мне известно, – добавил он, – у ней остались средства, находящиеся в банке; наследниками этих денег являетесь вы и я, а потому не съездите ли вы в Варшаву и не узнаете ли все подробности?» Я поехал с одним из своих товарищей, поляком, едущим в то время по своим делам туда. Он мне рекомендовал какого-то адвоката, который навел справку и разузнал, что М.Н. Самойленко действительно была в больнице душевнобольных Св. Иисуса, скончалась, погребена на таком-то кладбище; скончалась она больше двух лет назад, и оставшиеся у ней деньги поступили в пользу города Варшавы в силу существующего закона. Подтвердил, что все ее деньги перешли на законном основании к городу и оспаривать это он не возьмется.

Вспомнив все это, я сказал моим компаньонам по сеансу: «Самойленко – это моя тетка, умершая двенадцать-тринадцать лет тому назад». После чего я задаю вопрос: «Как ты доводишься мне?» – «Твоя тетка!» – «Что тебе нужно?» – «Молитвы и милостыни!» – «Где умерла?» – «В Смоленске». Это сообщение ее уже было неверно: мне известно, что она скончалась в больнице Св. Иисуса и погребена в Варшаве. Переспросили несколько раз, и ответ получался: «В Смоленске». Зная ее отношения с братом Николаем Николаевичем, о которых часто мне рассказывала матушка, с которым, как говорила, она жила как кошка с собакой, с постоянными ссорами и неприятностями, я задал вопрос: «Что желаешь передать своему брату Николаю Николаевичу?» Карандаш с силой вырывается из рук Решетникова и ломается. Взяли другой. Опять задаем тот же вопрос. Карандаш опять вырывается из рук Решетникова и далеко падает от стола.

После чего встали из-за стола и протянули над ним руки. Стол быстро двинулся к двери и ударился в нее; его водворили на старое место, но только протянули руки, как он опять еще с большей силой подбежал к двери и ударился в нее. Гости из столовой, услышав шум и наши удивления, вошли в гостиную, но стол больше уже не двигался.

Когда возвращался домой, одно меня смущало: тетка ответила, что она скончалась в Смоленске, когда я был уверен, что это было в Варшаве. Мне пришло в голову: не было ли со стороны Решетникова и Майтова мистификации? Но решил, что этого быть не может. Решетников и Майтов у меня в семье не бывали и не были знакомы ни с одним из моих родственников, да притом в нашей семье о Самойленке мало говорили: она покинула Москву еще до моего рождения, прервав все отношения со своим родством.

Чтобы выяснить, где же она умерла, в Варшаве или Смоленске, я решился поехать к моей двоюродной сестре Надежде Ивановне Пановой, с которой я не видался уже много лет, зная, что она очень любопытная дама и знает почти все, что касается ее родства.

Панова мне рассказала: тетка была в больнице Св. Иисуса, однажды, никем не замеченная, ушла оттуда и скрылась. Исчезновение ее вечером заметили, встревоженная администрация больницы послала искать людей, они отправились на вокзал железной дороги, узнали от носильщиков и железнодорожников, что они заметили странную даму без багажа и она села на московский поезд.

Со следующим поездом отправились из больницы лица, чтобы задержать ее и водворить обратно в больницу. Расспрашивали на всех станциях железнодорожников, не выходила ли у них на станции странная дама. В Смоленске им сообщили, что видели какую-то даму и с большими странностями, она вышла, взяла извозчика и уехала в город.

Наконец нашли извозчика, везшего ее; он указал меблированные комнаты, куда он ее доставил. Прибыли в меблированные комнаты, когда там был большой переполох по случаю смерти в номере дамы, приехавшей вчера и без паспорта. После всех формальностей с полицией труп ее был выдан посланным из больницы, отправившим его в Варшаву, где и был погребен. И, таким образом, сказанное на сеансе теткой подтвердилось: город, где она скончалась, был Смоленск.

После первого спиритического сеанса, естественно, у меня явилось желание участвовать в дальнейших, хотя, должен признаться, мне Майтов не особенно нравился: как делец он представлял из себя небольшую величину и как человек не выделялся ничем особенным, у меня с ним ничего не было общего, и в свою очередь я видел, что он меня приглашал к себе только из-за того, что я могу ему дать заработок, а, понятно, это мне не могло нравиться. Н.И. Решетникову было приятно бывать у Майтова, его заметно интересовала Софья Владимировна, жена Майтова, притом же он был большой любитель флирта, он мне часто говаривал: «Бей ворону, бей сороку, руку набьешь – сокола убьешь!» На свои ухаживания смотрел как на упражнение в получении большего опыта по занятию места в дамских сердцах, что ему в большинстве случаев удавалось, и он умел как-то подходить к женщинам, возбуждая чувство доверия к себе и надежду найти в нем мелодию, не хватавшую им в их жизни.

Наши посещения Майтова участились, но сеансы без медиума не были интересны, а потому стали искать его. Кто-то указал, что где-то на Украине имеется медиум с замечательной силой, Бурхард¹⁰⁷. Списались с ним. Он согласился приехать, если ему будут платить в год по 3 тысячи рублей до приискания им постоянного места в Москве. Собрали ему между собой следуемую сумму, и он приехал.

Описывать все сеансы я не буду, они были очень интересны и заняты, реальность явлений во время сеанса была несомненна, но, когда я приезжал домой, невольно находили разные мысли, которые побуждали не верить им, с предположением, что ты все-таки был одурачиваем.

¹⁰⁷ По всей видимости, мемуарист имеет в виду известного одесского медиума и гипнотизера С. Бурксера (не Бурхарда), практиковавшего лечение гипнотическими сеансами в России и за границей. См.: Ребус. 1887. № 39. С. 375–376; 1889. № 7. С. 68–69.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.